

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ,
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ СССР

№ 11 НОЯБРЬ 1974 г.

★

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1926 года.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» · МОСКВА

Вопросы ИСТОРИИ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Академик И. И. Минц — Советская Россия и Ноябрьская революция в Германии 3
С. Дёрнберг (ГДР) — Этапы становления и укрепления ГДР 23
Член-корреспондент АН СССР М. П. Ким — О культуре как предмете исторического изучения 32
С. С. Хесин — Военно-революционные комитеты в период Великого Октября 39
А. Г. Кузьмин — Об этнической природе варягов 54
Г. П. Мурашко — Национализация основных средств производства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1944—1948 годах 84

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- А. А. Мурадян — Концепция «силы» во внешней политике США . . . 100

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- В. И. Буганов — «Враждотворное» местничество 118
Член-корреспондент АН УССР А. Н. Шлепаков (Киев) — «Золотая лихорадка» и ее рецидив 134

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

- В. Н. Никифоров — Капитальный труд по истории международных отношений на Дальнем Востоке 143

Обзоры

- С. М. Стецкевич (Ленинград) — Документы и материалы по истории советско-польских отношений 152

Рецензии

- Е. Г. Гимпельсон — В. Г. Гневко. Рабочий класс Белоруссии в борьбе за победу Октября (март 1917 — март 1918 гг.) 158

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ВАРЯГОВ

(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

А. Г. Кузьмин

Известная летописная легенда рассказывает, что Древнерусское государство было основано пришельцами из-за моря — «варягами», приглашенными на княжение племенами словен, кривичей, веси, мери и чуди. Летопись называет имена трех братьев, пришедших «с родом своим» на княжение (Рюрик, Синеус, Трувор), сообщает об основании ими ряда городов и распределении их между «мужами», отмечает, что новгородцы происходят «от рода варяжска» и от варягов новое государство получило название «Русь». Отделившийся от Рюрика варяжский отряд Аскольда и Дира захватил Киев. Позднее, после смерти Рюрика, Олег (по другой версии — Игорь), обманом устранив Аскольда и Дира, утвердился в Киеве, а власть варягов и имя «Русь» распространились на всю территорию, прилегавшую к пути «из варяг в греки»¹. Пересказанная легенда противоречит другим летописным текстам и внутренне противоречива. Летопись содержит и тексты, в которых «русь» отождествляется с полянами (то есть населением Среднего Поднепровья), а варяжские князья дают славянские названия вновь построенным городам, даже если эти города возникают на неславянской территории (например, Белоозеро).

Историографическая традиция, идущая от З. Байера, отождествляет варягов с германоязычными норманнами, исходя из факта совпадения некоторых варяжских имен (а также имен русских послов и купцов из договоров Олега и Игоря с греками) со скандинавскими именами. Это отождествление является основой «норманизма». Крайние норманисты связывают с норманнами все основные черты древнерусской цивилизации, умеренные настаивают лишь на принадлежности к норманнам княжеской династии и социальной верхушки возникшего в IX в. государства. Традиционный антинорманизм, у основания которого стоял М. В. Ломоносов, признавал варягов за балтийских славян или этнически разнородное прибалтийское население. Сторонники этого направления обращали внимание на то, что летописец указывает не на скандинавское, а на северогерманское «заморье», заселенное в тот период славянами. Poleмизируя с единственным серьезным аргументом норманистов — совпадением ряда варяжских и скандинавских имен, М. В. Ломоносов справедливо указывал, что «на скандинавском языке не имеют сии имена никакого знаменования»². Столетие спустя С. Геденов высказывал убеждение, основанное на полутора столетнем опыте историографии, что «при

¹ Летопись по Лаврентьевскому списку (далее — ЛЛ). СПб. 1897, стр. 18—20, 22—23; Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. II. М. 1962, стб. 13—14, 16—17; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НЛ). М.—Л. 1950, стр. 104—107.

² М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений Т. VI. М.—Л. 1952, стр. 30—31.

догмате скандинавского начала Русского государства научная разработка древнейшей истории Руси немыслима»³. Такой вывод неизбежно вытекал из факта отсутствия в древнерусском языке и культуре (в том числе в древнерусском язычестве) бесспорных германизмов.

В советское время, в 30—40-е годы, акцент переместился на анализ общих и конкретных условий возникновения государств как спонтанного закономерного процесса, а норманизм критиковался главным образом за игнорирование или недооценку этого марксистского положения. Представление о незначительной роли в древнерусской истории варяжского элемента делало, по существу, излишним уточнение вопроса о том, что он собой представлял. Фактически же была сделана уступка норманизму: признавалось, что варяги — это скандинавы.

Однако сложившиеся представления о соотношении автохтонного и привнесенного начала в последнее время серьезно пошатнулись. В археологической литературе все более широкое обоснование получает тезис, что удельный вес норманно-варягов был намного значительней, чем это предполагалось некоторое время назад. С норманнами теперь связывается подавляющая часть социальной верхушки Древнерусского государства. На Белое озеро и Верхнюю Волгу, согласно новым представлениям, варяги-норманны проникают примерно на столетие раньше славян⁴. Значительно усилились германские акценты и в лингвистике, особенно в объяснении отдельных имен или названий днепровских порогов⁵. Нетрудно заметить, что нарастание количества уже подводит к необходимости осознания нового качества. Признание социальной верхушки иноплеменной делает беспредметным рассуждение о возникновении государства как автохтонного процесса: представители крайнего норманизма как раз и настаивают на ведущем положении пришельцев-норманнов. Но новый материал неизбежно порождает старые вопросы. Снова возникает потребность объяснить, почему на территории, где соприкасаются варяги и угрофинны, распространяется славянский язык, почему нет сколько-нибудь заметных проявлений германских верований в язычестве Древней Руси, почему так быстро исчезают варяжские имена, причем в княжеской династии раньше, чем у рядовых дружинников. На все эти «почему» норманизм, очевидно, не в состоянии дать ответ. А это означает, что необходимо более тщательное выяснение природы тех этнических элементов, которые многие археологи и отчасти лингвисты признают северогерманскими.

Несколько лет назад автор настоящей статьи пытался обосновать положение о том, что варяги были не скандинавами, а выходцами с южного побережья и островов Балтийского моря. Это положение вызвало возражения⁶. Так, крупнейший знаток славянских древностей Г. Ловмянский согласился с тем, что «Русь» варяжской легенды — это балтийская «Ругия» (о. Рюген). Но он не признал за летописной легендой никакого реального содержания и совершенно отделил эту «Русь» от варягов, считая последних скандинавами. Недоверие к предложенно-

³ С. Гелеонов. Варяги и Русь. СПб. 1876, стр. VI.

⁴ Ср. Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. «Исторические связи Скандинавии и России». Л. 1970; С. И. Кочуркина. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л. 1973, и др.

⁵ Ср. А. И. Толкачев. О названии днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного «De administrando imperio». «Историческая грамматика и лексикология русского языка». М. 1962, стр. 29. «Всеякие попытки... — говорит он о порогах, — объяснить эти названия путем сопоставления не с северогерманскими, а с другими языками совершенно лишены оснований».

⁶ Ср. А. Г. Кузьмин. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море. «Вопросы истории», 1970, № 10; Г. Ловмянский. Руссы и руги. «Вопросы истории», 1971, № 9; В. Д. Корольюк. Волохи и славяне в «Повести временных лет». «Советское славяноведение», 1971, № 4, и др.

му решению в значительной мере проистекает из убежденности, что население южного берега Балтики с VI—VII вв. было чисто славянским, а варяжские имена были явно неславянскими. Между тем в статье не случайно говорилось о «славяноязычном», а не славянском населении. Эти понятия не идентичны. Ибн-Якуб (X в.) отмечал, что «главнейшие из племен севера говорят по-славянски, потому что смешались с ними»⁷. Г. Меркатор прямо указывал на двуязычие балтийских рутенов-ругов: язык их «был словенской да виндальской»⁸. В статье отмечено, что это факт «исключительной ценности»⁹. Однако далее предположения о наличии в Прибалтике значительного неславянского и негерманского этнического элемента, смешавшегося позднее либо с германцами, либо со славянами, автор в то время не пошел, а это обстоятельство существенно ослабило и доказательность вывода о местоположении варягов. Очевидно, нельзя решить ни одного вопроса, связанного с варягами, не определив, кто они такие.

Источники о варягах рассматривались неоднократно, и исследователям неизменно приходилось отмечать противоречивость имеющихся сведений. В русских летописях, в частности, отчетливо прослеживаются по меньшей мере два взгляда на этническую природу варягов: в одном случае это какой-то прибалтийский народ, в другом — все прибалтийские народы, в одних случаях славяне и варяги понимают друг друга без переводчика, в других — говорят на разных языках. Представление о многослойности этнографического введения Начальной летописи, содержащего противоречивые сведения о варягах, прочно вошло в литературу¹⁰. Сложнее обстоит дело с выяснением вопроса, кто имеется в виду под «варягами» как представителями особой этнической группы, отличной от свеев (шведов), урман (норманнов-норвежцев), готов, «руси» (балтийской), агнян и др.¹¹. Поэтому не лишним будет напомнить данные, свидетельствующие о нескандинавском местоположении этого этноса.

Русские летописи называют Балтийское море «Варяжским». По сообщению С. Герберштейна, аналогичное название сохранялось еще и в XVI в. у балтийских славян: подобно русским московским, «русские» из северной Германии именовали море «Варецким». У других народов оно называлось «Немецкое», «Прусское», «Венетское»¹². Этот факт не раскрывает этнической природы варягов, но он указывает на прямые связи восточных славян с балтийскими. В связи с упоминанием «Варяжского» моря летописец дает и уникальное пояснение: «По сему же морю седять Варязи семо ко вѣстоку до предела Симова, по тому же морю седять к западу до земле Агнянски и до Волошьски». Указание на расселение варягов «до предела Симова» обычно представляется свидетельством туманных понятий летописца. Между тем оно, возможно, очень конкретно. Согласно Хронике Георгия Амартола, использованной в летописи, «предел Симов» начинался южнее Каспийского моря. Но под влиянием традиции, идущей, по всей вероятности, из Хазарского каганата, на Руси было распространено представление, будто некоторые народы Восточной Европы имеют непосредственное отношение к Палестине. Так, летописец в рассуждении о народах под 1096 г. уверяет, будто волжские болгары

⁷ А. К у н и к, В. Р о з е н. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. I. «Записки АН». Т. XXXII, прил. № 2. СПб. 1878, стр. 54.

⁸ И. Забелин. История русской жизни с древнейших времен. Ч. I. М. 1908, стр. 649.

⁹ А. Г. Кузьмин. Указ. соч., стр. 45, и др.

¹⁰ Ср. Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. М. 1963, стр. 219 и далее; А. Н. Насонов. История русского летописания. М. 1969, стр. 66—67, и др.; А. Г. Кузьмин. Указ. соч., стр. 28—33, и др.; Г. Ловмянский. Указ. соч., стр. 44—45, и др.

¹¹ ЛЛ, стр. 3—4.

¹² С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб, 1908, стр. 4, 180, 181.

ры — это «сыны Амонове», а «хвалисы» — «сынове Моавли»¹³. И те и другие признаются, таким образом, *семитскими* народами. Отсюда и убеждение, будто Волга «идет на восток, в часть Симову»¹⁴.

Указание на «предел Симов», следовательно, имеет в виду лишь соприкосновение с землями Волжской Болгарии. Представление это созвучно той части варяжской легенды, где говорится о подчинении власти Рюрика земель веси, мери и муромы, то есть всего Верхнего Поволжья. Восточный автор XI в. ал-Бируни также считал, что «море варанков» и одноименный народ «на его берегу» непосредственно примыкали к Болгарии¹⁵. Очевидно, в тесной связи с этими представлениями находится и версия о варяжском происхождении Новгорода. По мнению А. А. Шахматова (впрочем, им не развитому), в «Древнейшем своде 1039 г.» было смешение словен и варягов¹⁶.

Западные пределы расселения варягов летописец ограничивал землями «Агнянской» и «Волошской». Этноним «агняне» соседствует в летописях со свеями, готами, варягами, русью. В то же время даны, один из самых активных «норманнских» народов, в Повести временных лет даже не упоминаются. На это обстоятельство постоянно обращалось внимание, и в объяснении его наблюдается общий подход: коренное население Дании именно англ. Название это имеет географическое происхождение (от *Angeln* — угол): в области Шлезвиг-Гольштейн на границе нынешней Германии и Дании два залива образуют «угол», и соответствующее название сохраняется на протяжении всего средневековья и даже в новейшее время¹⁷. Напомним, что с землями англов соприкасались области расселения балтийских славян, именно вагров.

Несколько сложнее обстоит дело с землей «Волошской». А. А. Шахматов пришел к выводу, что первоначально «волохами» назывались кельты, а затем славяне так именовали франков и все романские народы, входившие в состав франко-романской империи¹⁸. Это объяснение представляется убедительным и автору настоящей статьи. Но поскольку оно вызвало возражения¹⁹, а развертывание аргументации потребовало бы много места, придется пока оставить этот вопрос открытым, тем более, что западный предел и без того фиксируется достаточно надежно. С другой стороны, решение вопроса об этнической принадлежности варягов неизбежно прольет свет и на проблему «волохов» и «Волошской земли».

Прямое указание на «варяжское Поморье» как южный берег Балтики имеется в Ермолаевском списке Ипатьевской летописи. Говоря об убийстве польского короля «Премышлява» (Пшемисл II был убит в 1296 г.), западнорусский летописец отмечает, что король был таким образом отмщен за смерть своей первой жены Лукерьи, которая «бо бе рода князей Сербских, с Кашуб, от помория Варязкаго от Стараго града за Кгданском»²⁰. Запись эту норманисты игнорируют, возможно, из-за

¹³ ЛЛ, стр. 226. Ср. А. Г. Кузьмин. Статья 1113 г. в «Истории российской» В. Н. Татищева. «Вестник Московского университета». Серии IX. 1972, № 5, стр. 85—87.

¹⁴ ЛЛ, стр. 3.

¹⁵ И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения. Т. IV. М.-Л. 1957, стр. 248.

¹⁶ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб. 1908, стр. 541—542. Мысль о своде 1039 г. отвергается большинством современных исследователей, но отмеченное смешение, если оно имело место, могло относиться ко времени не позднее XI в., когда власть Киева над северной половиной Руси осуществлялась через Новгород.

¹⁷ Ср. О. Н. Трубачев. О племенном названии *улич*. «Вопросы славянского языкознания». Вып. 5. М. 1961, стр. 189—190 и др. Британия была известна русским летописцам как «остров Вротания».

¹⁸ А. А. Шахматов. Волохи древнерусской летописи. «Известия» Таврической ученой архивной комиссии, № 54. Симферополь. 1918. Ср. А. Г. Кузьмин. «Варяги» и «Русь», стр. 31.

¹⁹ В. Д. Корольков. Указ. соч.

²⁰ ПСРЛ. Т. II. СПб. 1843, стр. 227.

недоверия к Ермолаевскому списку как относительно позднему. Но если допустить, что обозначение Поморья как «варяжского» принадлежит переписчику XVII в., то это будет указывать на живучесть традиции, а никак не на ее отсутствие. «Варяги» оставили ряд топонимов на территории от Мекленбурга до Пруссии (на том или ином удалении от моря). Производные от этнических названий «варин» и «вэринг» широко представлены в саксонских именах. В Норвегии зафиксирован топоним *Vargangerfjord*²¹. Однако значение этих фактов совсем не то, которое им придают норманисты. Эти факты свидетельствуют о наличии в Прибалтике этнической группы, именовавшейся «варягами», выходцы из которой во всех названных областях были посторонним, пришлым элементом. Заметим также, что «свеи» — шведы на той же территории известны под своим именем.

Можно напомнить и о том, что «варяги», ограбившие в 1188 г. новгородцев, не были ни свеями, ни готами и что только из южных областей Прибалтики они могли прийти в 1201 г. в Новгород «горою», то есть сушей²². Спиридон-Савва, поставленный в 1476 г. митрополитом в Литве, а затем бежавший из заключения на Русь, написал целый трактат с обоснованием преемственности власти русских князей от римских императоров через посредство якобы потомка их — Рюрика. Для автора было само собой разумеющимся, что Рюрик явился в Новгород с южного берега Балтики, именно из Привисленья²³. Если учесть, что с XI по XV в. у новгородцев не прерывались связи со всем балтийским побережьем, то в таком представлении можно увидеть отражение еще живой традиции.

Давняя мысль об участии балтийских славян в колонизации северо-западных районов Руси обычно опиралась на лингвистический и этнографический материал. В этом плане не потеряли своего значения работы Н. М. Петровского, П. Я. Черных, Д. К. Зеленина. В последнее время в ее пользу приводится все большее количество данных археологии. Частные наблюдения В. Б. Вилинбахова, И. И. Ляпушкина, В. М. Потина, В. В. Седова получают новое значение в свете изучения Г. П. Смирновой новгородской керамики: в ранних слоях археологического Новгорода заметный компонент составляет керамика, имеющая аналогию только в Мекленбурге²⁴. Естественная, «заманчивая», по выражению Г. Ловмянского, гипотеза о колонизационном движении морем на восток получает то самое материальное обоснование, которого, как полагал польский ученый, ей до сих пор не хватало²⁵.

В то время, как в пользу локализации варягов у южного берега Балтики говорит ряд прямых показаний источников, для отождествления их со скандинавами нет ни прямых, ни косвенных данных. Правда, у шведских политических деятелей XVI в., по-видимому, возникало желание с помощью варягов «вторгнуться» в русскую историю. Этот сюжет затрагивался в не дошедших до нашего времени письмах Юхана III Ивану

²¹ H. Janichen. Die Wikinger im Weichssee und Oder-gebiet. Leipzig. 1938. Ср. рец. М. Рудницкого в «*Slavia Occidentalis*» (далее — SO). Т. XVII. Póznáń, 1938; W. Schlaug. Studien zu den altsächsischen Personennamen des 11. und 12. Jahrhunderts. «*Lunder germanistische Forschungen*». 30. Lund. 1955, S. 156—158, 227—228; idem. Die altsächsischen Personennamen vor dem Jahre 1000. Ibid. 34. 1962, S. 173—174; G. Jacobson. La form originelle du nom varènges. «*Scandoslavica*». Copenhague. T. I. 1954, p. 40.

²² НІЛ, стр. 39 и 45; ср. А. Г. Кузьмин. «Варяги» и «Русь», стр. 32—33.

²³ Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. М.-Л. 1955, стр. 162.

²⁴ Г. П. Смирнова. О трех группах новгородской керамики X — начала XI вв. «Краткие сообщения» Института археологии АН СССР (далее — КСИА). Вып. 139. М. 1974. Существенно, что керамика изготовлялась из местной глины. Завезены, следовательно, были не сосуды, а традиции, которые и в новых условиях сохранялись довольно долго.

²⁵ Ср. H. Lowmianiski. Początki Polski. T. III. Warszawa. 1967, str. 95. Приводимые В. Б. Вилинбаховым данные в пользу этой мысли автор находит недостаточными, и его требование «твердых» фактов вполне правомерно (В. Б. Вилинбахов. Балтийские славяне и Русь. SO. Т. XXII. 1962, и др.).

Грозному. Возражая шведскому королю, царь не соглашался с тем, что «за несколько сот лет в Свее короли бывали». «И мы того не слыхали,— замечает он,— опричь Магнуша, который под Орешком был, и то был князь, а не король»²⁶. Юхан в какой-то связи упомянул варягов — наемников Ярослава Мудрого. Грозный на это возражал, что «в прежних хрониках и летописцах писано, что с великим государем самодержцем Георгием-Ярославом на многих битвах бывали варяги, а варяги — немцы, и коли его слушали, ино то его были»²⁷. Ярослав, как известно, был женат на дочери шведского короля Ингигерде (по матери — внучке ободритского князя), и в свите княгини должны были находиться выходцы из Швеции. О наличии же шведского элемента в дружинах первых русских («варяжских») князей (IX—X вв.) и Юхану было неизвестно.

Локализация варягов у южного побережья Балтики сама по себе не решает вопроса об их этнической принадлежности. Прибалтика издавна отличалась крайне пестрым составом населения. С одной стороны, здесь были условия для длительного сохранения остатков древних этнических общностей (на островах, например), а с другой — сюда неизменно докатывались волны великих переселений народов. Не случайно у средневековых авторов Прибалтика ассоциировалась либо с «кузницей народов», либо со своеобразным их музеем (при описании состава населения города Волина, Скандинавии и других районов). И хотя в IX—X вв. здесь господствовал славянский язык, в отдельных районах были живы старые дославянские традиции и в быту, видимо, сохранялся свой «домашний» язык. У «варяжской Руси» этот второй язык назывался «виндальским».

Помимо Руси, варяги хорошо были известны еще в Византии. Но и византийские источники противоречивы, и разбиравший их наиболее обстоятельно В. Г. Васильевский приложил немало усилий и остроумия, чтобы по возможности избавиться от противоречий. Его главный вывод заключался в том, что «варанги» и «русь» в Византии первой половины XI в. не различались и говорили на славяно-русском языке. После завоевания Британии норманнами в 1066 г. дружина постепенно превращается из варяго-русской в варяго-английскую. Ряд важных фактов автору, однако, объяснить не удалось. К этим фактам следует прежде всего отнести прямое указание Скилицы (XI в.) и Кедрина (XII в.) на то, что «варанги, по происхождению кельты, служащие по найму у греков»²⁸. У В. Г. Васильевского оно вызвало недоумение. Между тем существенно уже то, что иных определений этнической принадлежности «варангов» византийские авторы не дают. Никифор Вриений (XII в.) полагал, что «секироносцы» (варанги) происходили «из варварской страны вблизи океана и отличались издревле верностью византийским императорам»²⁹. «Страна вблизи океана» — вполне подходящее определение прибалтийского Поморья (Скандинавия обычно воспринималась как большой остров в океане), и это единственный в Европе район, где христианская цивилизация в XII в. еще не утвердилась. Вопросы о замене варяго-русской дружины варяго-английской ниже придется коснуться особо. Пока же ограничимся наблюдением В. Г. Васильевского, что в хрисовуле Алексея Комнина 1088 г. «варанги» отличаются от «англян», равно как от франков и немцев³⁰. Это обстоятельство делает особенно существенными указания на принадлежность варягов к кельтам.

Может показаться странным, что за два с половиной столетия интенсивного изучения «варяжского вопроса» даже не было предпринято попыток проверить указания византийских авторов относительно кель-

²⁶ «Послания Ивана Грозного». М.-Л. 1951, стр. 153.

²⁷ Там же, стр. 157—158.

²⁸ В. Г. Васильевский. Труды. Т. I СПб. 1908, стр. 322—323.

²⁹ Там же, стр. 341—342.

³⁰ Там же, стр. 349 и 357.

тов. Это, однако, не случайно. От их некогда обширного этнического массива, проникавшего едва ли не во все уголки Европы, сохранились ныне небольшие осколки: Ирландия, Шотландия, Уэльс, французская Бретань. Совсем недавно угасла кельтская речь в Корнуэлле и на острове Мен. Наследие древней кельтской культуры досталось другим народам. И хотя кельтские традиции неизменно пробивались через толщу веков, в основных европейских странах к ним относились ревниво и даже враждебно. Особенно агрессивно вела себя немецкая наука, зараженная идеями пангерманизма. Географическое (кстати, кельтское по происхождению) понятие «Германия», которая у древних авторов охватывает территорию от Дона до Рейна или даже до Атлантического океана (и которая заменила прежнее название «Кельтика»), стало сплошь и рядом подменяться этническим. В результате кельтам просто не оставалось места на карте Европы. И лишь немногие немецкие ученые указывали на антиисторичность и в конечном счете на ненаучность такого подхода.

Кельты — одна из крупнейших ветвей индоевропейских народов. Сложение этого этноса обычно связывается с Центральной Европой, но вопрос этот пока не может считаться решенным. Язык кельтов ближе всего стоял к североиталийским, хотя, возможно, речь идет лишь о языке кельтов этого района. Дело в том, что кельты расселились весьма широко, повсеместно смешиваясь с предшествующим населением. Язык бриттов, галлов, кельтоиберов (в Испании), кельтоскифов (на значительных территориях контактных зон между этими двумя народами) более или менее существенно различается, а материала для его восстановления пока очень мало. Кельты проникали и в глубь Италии и на Балканский полуостров. Значительная их группа переселилась в III в. до н. э. в Малую Азию, где до V в. н. э. они сохраняли самобытность под именем галатов. Уже это обстоятельство предопределяло хорошее знакомство византийских авторов с кельтами как народом, отличным от других европейских племенных образований. Кельты заселяли также многие острова у северо-западного побережья Европы, а кельтское племя венетов было наиболее искушенным в морском деле европейским народом на рубеже нашей эры.

Бесспорный факт господства кельтов в северных морях, а также наличие в источниках названия Балтийского моря как «Венедского» (или «Венетского») залива уже являлись достаточным основанием для того, чтобы поставить под сомнение тезис германистов о Прибалтике как районе формирования германского этноса. В известной степени это было сделано А. А. Шахматовым в работе, посвященной славяно-кельтским контактам³¹. Согласно построению А. А. Шахматова, славяне и германцы некогда были разделены между собой племенами венедов, или венетов. Название говорит о принадлежности этого племени к кельтам. Именно в Прибалтике кельты подчинили славян, что способствовало распространению имени венедов также на славянские племена. Автор приводит большой перечень предполагаемых заимствований в славянском языке из кельтского, причем видное место среди них занимают понятия общественного и государственного порядка, а также военные и хозяйственные термины. Язык прибалтийских кельтов уже носил на себе

³¹ А. А. Шахматов. К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях. Казань. 1912 (годом раньше эта статья вышла на немецком языке). Племенное название венетов (венедов) А. А. Шахматов вслед за А. Хольдером производит от кельтского *uenos* — «друг», «союзник» (там же, стр. 12—13). В литературе предлагалось и другое объяснение: от кельтского *vindos* — «белый», «хороший», «прекрасный», «счастливый». Известно большое число имен с корнями *ven*, *vend*, *vind*, *vin* по всей области кельтского расселения. (Ср., например, J. Loth. *Vocabulaire vieux-breton*. P. 1884, pp. 3, 5: бретонские имена V—VI вв. *Vend*, *Vendoni*, *Venedotis*; A. Holder. *Alkeltischer Sprachschatz*. T. III. Graz. 1962. S. 158: *Vendus*, *Venda* и др., S. 168: *Venit-antus*, *Veniatas* и др., S. 170: *Venimarus*, S. 342: *Vindos*, *Vindus*, *Vinda* и др.)

следы романизации. Здесь, на севере, он подвергся германизации, и некоторые германизмы проникают в славянский мир через посредство кельтов. Кельты стали передатчиком также ряда иранизмов.

Концепция А. А. Шахматова была подвергнута критике К. Бугой, М. Фасмером и некоторыми другими авторами³². Они, несомненно, правы, отмечая, что все возможные языковые контакты рассматривались А. А. Шахматовым в одной плоскости, через призму одной хронологической эпохи.

Тем не менее совершенно негативное отношение к работе А. А. Шахматова не может быть оправдано. Ученый выявил ряд важных фактов, которые нельзя игнорировать. И не случайно Ю. Покорный, в свою очередь, отметивший ряд бесспорных кельто-славянских сходжений, главную ошибку А. А. Шахматова видел в недостаточном историческом обосновании лингвистических фактов. Ю. Покорный вслед за рядом других немецких филологов для объяснения этих совпадений предположил посредничество иллирийцев³³. Широкое совпадение топонимики Иллирии и Прибалтики — факт, прочно установленный³⁴. Но многие топонимы, которые германисты стремятся связать с иллирийцами — «венетами», оказываются обычными для всей обширной области кельтского расселения. Не составляет исключения и этноним «венеты» (венеды). Кроме побережья Адриатики, Прикарпатья и Прибалтики, он известен также в северной Франции, и именно с этим кельтским морским племенем Юлию Цезарю пришлось выдержать трудную борьбу.

Сильный удар по немецкой националистической историографии, стремившейся максимально приглушить кельтский компонент в германской топонимике и антропонимии, нанес замечательный знаток древнегерманских языков С. Файст. Он показал, что многие этнические группы, локализуемые древними авторами даже на территории позднейшей Германии, являются в действительности кельтами³⁵. К кельтам С. Файст отнес прикарпатское племя бастарнов, а также всю группу «ингевонов»: кимвров, тевтонов, фризов, амбронов. Не удивительно, что большинством немецких филологов работа С. Файста была встречена примерно так же, как и статья А. А. Шахматова. Но появились и работы, которые в некоторых отношениях идут еще дальше. Так, в большом исследовании Г. Ёханссона приводится материал о кельтской (и кельто-скифской) подоснове скандинавской топонимики³⁶. Судя по новейшим антропологическим данным, германцы вообще не «нордическая» раса. Они продвигались с юга. Вместе с тем на значительных территориях последующие германцы практически не отличаются от предшествующего кельто-романского населения³⁷. Очевидно, германизации подвергалось прежде всего именно кельтское (или кельтоязычное) население. Разумеется, германцы воспринимали при этом немало элементов кельтской культуры. Поэтому очень трудно во многих случаях даже размежевать германцев и кельтов, несмотря на значительные расхождения их языков. Методически же, очевидно, при анализе ономастики территории Германии, по справедливому замечанию Г. Балова, кельтским элементам как несо-

³² Ср. В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М. 1962, стр. 7, и др.

³³ J. Pokorny. Urgeschichte der Kelten und Illyrien. Halle. 1938, S. 39, 67 etc.

³⁴ На этот факт еще в 1905 г. обратил внимание Р. Мух. Позднее усилиями М. Фасмера, Ю. Покорного, Г. Крайе, Е. Шварца круг соответствий был существенно расширен. Некоторую литературу см.: В. Н. Топоров. К фракийско-балтийским языковым параллелям. «Балтийское языкознание». М. 1973, стр. 30—32.

³⁵ S. Feist. Germanen und Kelten in der antiken Ueberlieferung. Baden-Baden. 1948. Книга первоначально вышла в 1927 г. Автором опубликован также ряд статей по этой теме.

³⁶ G. Johansson. Svenska ortnamnsändelser. Göteborg. 1954.

³⁷ Ср. Т. И. Алексеева. Славяне и германцы в свете антропологических данных. «Вопросы истории», 1974, № 3, стр. 63, и др.

мненно более древним должен быть предоставлен определенный приоритет³⁸.

В наблюдениях С. Файста особенно важно указание на кельтоязычие кимвров, поскольку область их расселения (Ютландия) непосредственно примыкает к предполагаемому району обитания варягов. В самом названии племени С. Файст усматривал отражение их кельтоязычия, и его оппоненты в передаче имени вынуждены признать «кельтское посредничество»³⁹. Дело, однако, не только в посредничестве. Сходное наименование — «кимры» — является самоназванием значительной ветви кельтов, до сих пор сохраняющейся в Уэльсе и имевшей в древности гораздо большее распространение⁴⁰. Кельтскими оказываются все четыре известных имени вождей кимвров: Voiorix, Caesorig, Lugius, Claodicus. Плутарх рассказывает, как посланный во вражеский лагерь в качестве разведчика Серторий проник туда, «одевшись по-кельтски и усвоив наиболее ходовые выражения, необходимые, если придется поддерживать разговор»⁴¹. Для римлян, очевидно, не был проблемой язык пришельцев: на том же языке говорили их давние соседи — галлы и другие кельтские племена.

Кимвры оказываются в фокусе и еще ряда примечательных сходений. Древние авторы ведут их происхождение либо от смешения скифов и кельтов, либо от киммерийцев⁴². На северо-западных берегах Океана прочно держалась традиция, связывающая местное население с Причерноморьем. Пришельцами с Дона считал Анналист Саксон «норманнов»⁴³. В ирландских сагах упоминается о том, что их предки владели землями «Скифии» вплоть до Каспийского моря⁴⁴. Н. Я. Марр был убежден в большой близости языка кельтов и скифов⁴⁵. Возможно, речь должна идти лишь о части кельтов, соприкасавшейся с ираноязычным населением Причерноморья и Подунавья. Римлян, например, интересовал культ котла у кимвров. Потерпев неудачу в попытках утвердиться на юге Европы, кимвры, по сообщению Страбона, «послали Августу в дар свой самый священный котел, прося дружбы и прощения бывшего»⁴⁶. Поклонение котлу было распространено у степных народов, что и не удивительно⁴⁷. В Европе же этот культ сохранялся у значительной части кель-

³⁸ H. Bahlow. Nomenforschung als Wissenschaft. Deutschland Ortsnamen als Denkmäler keltischer Vorzeit. Neumünster. 1955. Э. Рёт древнейшее население Германии определяет как иллирийцев (E. Röth. Sind wer Germanen? Das Ende eines Irrtums. Kassel. 1967). Но, как уже отмечалось, для размежевания иллирийцев и кельтов пока нет достаточного материала.

³⁹ B. Melin. Die Heimat der Kimbern. Uppsala. 1960, S. 65—66.

⁴⁰ F. I. Mone. Die gallische Sprache und ihre Brauchbarkeit für die Geschichte. Karlsruhe. 1851, S. 4.

⁴¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. II. М. 1963, стр. 269. Б. Мелин, не отрицая кельтского происхождения упомянутых имен, пытается взять под сомнение вывод С. Файста на том основании, что подобные имена были распространены и у других племен, признаваемых обычно германскими (B. Melin. Op. cit., S. 66—68). Но в свете приведенных данных вопрос должен быть поставлен в ином ракурсе: действительно ли эти племена были германскими? Можно ли считать случайным, например, что средневековые германские авторы принимают вандалов и виниллов за предков славян, но никак не германцев?

⁴² Плутарх. Указ. соч., стр. 71. Земля кельтов здесь определяется от Океана до Меотиды и Скифии Понтийской, где «кельты и скифы смешиваются». В литературе указывалось на возможное родство киммерийцев, кимвров и кельтов (ср.: E. Minois. Scythians and Greeks. Cambridge. 1913, pp. 40, 436, e. a.).

⁴³ Monumenta Germaniae historica. Scriptores (далее — MGH SS). T. VI. Hannoverae, 1844, pp. 576, 689.

⁴⁴ G. Lehmann. Goedel Glass. «Zeitschrift für celtische Philologie. B. XIII. Halle. 1921.

⁴⁵ Н. Я. Марр. К отчету о заграничной командировке (17. III—22. VI—1929). «Доклады АН». 1929; его же. In tempore ulutorum (Из этнонимии к скифо-кельтскому вопросу). «Доклады АН». 1928.

⁴⁶ Страбон. География. М. 1960, стр. 268.

⁴⁷ Ср. А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л. 1951, стр. 199—201.

тов⁴⁸. Существен тот факт, что Ютландия довольно богата находками культовых котелков, и нет нужды предполагать их импорт, ибо достоверно известно, что у кимбров они были предметом особого почитания. С другой стороны, кельтские культовые котелки могут пролить свет и на назначение котелков в погребениях Приладожья⁴⁹.

Таким образом, в пользу кельтоязычия кимбров говорит ряд данных, в пользу же германоязычия таких данных нет. Примерно так же обстоит дело и с тевтонами, входившими вместе с кимбрами в группу «ингевонов». В этнониме «тевтоны» ясно проступает кельтское *teute* — народ, люди. Кельтское божество *Teutapus* имело значение отца народа, племени⁵⁰. Явно кельтского происхождения имя предводителя тевтонов *Teutoboduus*⁵¹. Очевидно, не случайно они вместе с кимбрами и амбронами (кельтическое происхождение последних вполне обоснованно) составляли мобильный военный союз.

«Кельтическая» примесь прослеживается в Прибалтике специалистами и на основе антропологических данных. Известный советский этнограф Н. Н. Чебоксаров, анализируя становление германского антропологического типа, установил, что в VIII—X вв. как славянское, так и германское население северной Германии было весьма неоднородно. Преобладали местные антропологические типы, сходные с теми, которые отмечаются для данной эпохи у фризов и саксов. Но наряду с ними у полабов и ободритов Мекленбурга, а также в отдельных районах Померании и Западной Пруссии нередко представлены формы, «очень близкие к типу латенских кельтов»⁵².

Прямое указание на то, что кельтская речь в начале н. э. звучала в Прибалтике, имеется у Тацита. Говоря об обитателях «янтарного» побережья, он называет «эстиев», «обычай и облик которых такие же, как у свевов, а язык ближе к британскому»⁵³. А. А. Шахматов не случайно придавал особое значение этому указанию: Тацит был зятем Агриколы, в течение ряда лет правившего римской Британией. Он мог различать диалекты германских и кельтских языков. Так, говоря о населении Британии, Тацит выделял похожих на германцев каледонцев (северная часть Британии), напоминающих испанцев-силуров (западное побережье острова), но (что согласуется с теперешними научными данными) заключал, что «в целом именно галлы заняли и заселили ближайший к ним остров». Он отмечал их одинаковые верования и констатировал, что «и языки тех и других мало чем отличаются»⁵⁴. Если говорить о языке «эстиев», то в данном случае важно указание на неполное тождество языка галлов и бриттов.

Указание Тацита на внешнее сходство «эстиев» со свевами, возможно, свидетельствует о том, что признаков особой кельтической археоло-

⁴⁸ Ян Филип. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага. 1961, стр. 168, 193.

⁴⁹ Ср. И. П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.-Л. 1965, стр. 146—147; С. И. Кочуркина. Указ. соч., стр. 48. Примечательно, что котлы встречаются и в других могильниках, содержащих «норманские» погребения (Гнездово, Верхнее Поволжье).

⁵⁰ Miklós Szabó. Sur les traces des seltes en Hongrie. Budapest. 1971, p. 67.

⁵¹ Ср. Г. Льюис и Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М. 1954, стр. 38. Второй компонент имени означает «богиню войны в образе вещего ворона». Ян Филип (Я. Филип. Указ. соч., стр. 72) считает кимбров германцами, но тевтонов склонен признать кельтами. Логичнее, однако, рассматривать их как ветви одного корня. Примечательно, что галльское племя нервиев римские авторы считали потомками их обоих («Древние германцы». М. 1937, стр. 143. Нервии жили в Бельгии).

⁵² Н. Н. Чебоксаров. Этническая антропология Германии. «Краткие сообщения» Института этнографии АН СССР. Вып. I. М. 1946, стр. 60—61. Ср. С. П. Толстов. Проблема происхождения индоевропейцев и современная этнография и этнографическая лингвистика. Там же, стр. 13.

⁵³ Корнелий Тацит. Сочинения. Т. I. Л. 1969, стр. 372.

⁵⁴ Там же, стр. 332—333.

гической культуры в первых веках н. э. в Прибалтике не было. Но элементы кельтского языка и кельтских верований сохранялись здесь в течение длительного времени. Тацит приводит и одно слово из языка «эстиев»: они «единственные из всех собирают янтарь, который сами... называют глезом (*glaesum*)»⁵⁵. Очевидно, «эстии» жили на южном и юго-восточном побережье Балтики, где издревле находились разработки янтаря. Но на язык «эстиев» это слово едва ли проливает свет. В романских языках *glacies* — лед, в германских *Glas* — стекло, в славянских «глаз» — шарик, голыш, кругляш, в кельтских *glass* означает разные цвета: зеленый, голубой, белый, палевый. Любое из этих значений может быть отнесено к янтарю, но собственно янтарь во всех этих языках называется иначе⁵⁶. Необходимо поэтому отыскание более определенных следов языка тацитовых «эстиев».

В литературе обращалось внимание на то, что у славян Поморья сохраняются этнические названия предшествующей поры: варины и варны, мугилоны и могиляне, лугии и лужане, ракауты и ракоусы, ругии и руги и др.⁵⁷. Видимо, неславянское население слилось со славянским, передав ему свои топонимы и этнонимы и восприняв его язык. Процесс слияния проходил, очевидно, в условиях длительного и широкого взаимодействия, в результате чего осуществлялось взаимопроникновение культур и быта. Это обстоятельство способствовало сохранению старых географических наименований, смысл которых к IX—X вв., возможно, уже не был понятен ни одному из живших там народов. Здесь важно остановиться как раз на наименованиях, не стертых в процессе славянизации или германизации края.

Одним из древних топонимов южного района Балтики является город Аркона острова Рюген (*Arkon, Argon, Argkup, Argchon*). В связи с обсуждением в последнее время вопроса о возможной связи Ругии с балтийской «Русью» русских летописей происхождение этого топонима представляет особый интерес. К моменту завоевания острова данами (в 1168 г.), а также в предшествующие два столетия население его, несомненно, говорило на славянском языке. И в настоящее время под германским слоем на острове ощущается мощный слой славянских топонимов. Но название Аркона интересно тем, что оно, во-первых, уходит в глубокую древность, а во-вторых, это явно не славянское, не германское и не романское наименование.

Происхождения имени Аркона неоднократно касались и лингвисты и историки. Нередко предлагаются широкие параллели общендоевропейского характера⁵⁸. Но чаще рассматривается вопрос не о значении рюгенской Арконы, а о происхождении каких-то других сходных топонимов, прежде всего знаменитого Герцинского леса (*Hercynia silva* etc.). В отношении последнего, как правило, расхождений нет: его считают производным из кельтских языков⁵⁹. Но связь между множеством подобных топонимов в разных районах Европы, а также конкретное значение их остаются неопределенными. География топонима оказывается весьма широкой. Сходные названия встречаются в галльской Бельгии, в средней Италии, на Балканском полуострове (в частности в Этолии). Кельты в историческое время — единственный народ, кото-

⁵⁵ Там же стр. 372.

⁵⁶ Ближе всего все-таки, видимо, будет старобретонское название янтаря: *goularz* (ср. P. F. Gregoire de Rostrenen. *Dictionnaire François-celtique ou François-Breton*. Rennes. 1732, p. 32).

⁵⁷ Ср. И. Перфольф. Варяги Руси и балтийские славяне. «Журнал министерства народного просвещения», 1877, ч. 192, стр. 38—39, и др.

⁵⁸ A. Bach. *Deutsche Namenkunde*. T. 2, t. 2. Heidelberg. 1954, S. 50—51; H. Wagner. *Studies in the Origins of Early Celtic Civilisation*. «Zeitschrift für celtische Philologie». Tübingen. 1970. B. 31. S. 34—35.

⁵⁹ E. Schwarz. *Deutsche Namenforschung*. II. Göttingen. 1950, S. 65, etc.

рый можно связывать со всеми этими районами. Однако в толковании топонима и у кельтологов наметились расхождения. Ф. Моне понимал его как «большой лес, населенный по вырубленным пространствам»⁶⁰, А. Хольдер толковал как «возвышение», «очень высокая гора»⁶¹. Н. Рудницкий не предлагал каких-либо значений названия, но склонен был видеть связь его с этрусками (то есть древним североиталийским народом)⁶².

Недостаток предлагавшихся этимологий заключается в том, что значение названия в них слишком непосредственно выводится из реального положения разных Аркон. В одних случаях акцентировали внимание на лесах, в других — на гористости, в третьих — на изолированности положения (например, на мысу побережья). Е. Шварц, в частности, приводит параллель из кимрского диалекта кельтского языка, где *egshupp* означает «возвышенный», а *swp* — «высота», чему соответствует также галльское *сипо*. Он приходит к выводу, что старокельтское *(p)ar-kunio* и означало «гора». Но связь здесь несколько иная. В слове Аркона первый слог «ар» означает предлог, равнозначный французскому *sur* или немецкому *auf*, то есть «на, у, при». В таком значении предлог сохраняется и в современных кельтских языках⁶³. С другой стороны, в литературе указывался ряд аналогичных бретонских топонимов, в частности *Argol-Argol*, *Argoad*, *Argor-Armor* и т. д. Во всех случаях справедливо усматривается сложение кельтских предлога *ar* и существительного (кустарник — *col*, лес — *koad*, море — *vor* или *mor*)⁶⁴. Что же касается оставшихся без объяснения топонимов *Arguenon* или *Arhon*, то это, видимо, варианты все той же Арконы, означающей буквально «на высоте». Рюгенская Аркона, как известно, расположена именно на высоком берегу моря.

В данном случае разъяснение названия Аркона важно не само по себе, а как определитель этнической принадлежности какой-то части населения Прибалтики. Очевидно, название относится к древнему населению Рюгена (или прибрежных районов, если допустить, что название городу дали соседи), а это неизбежно порождает сомнение в обоснованности мнения о германоязычии проживавших здесь еще в римское время ругов.

Древняя Ругия, под которой, очевидно, некоторые русские летописцы подразумевали балтийскую, «варяжскую» «Русь», обозначается в источниках различно: Ругия, Рутения (Русиния), Ройана, Руйана, Руйна и т. д. (*Rugia*, *Ruthenia*, *Russia*, *Rojana*, *Rujana*, *Reune*). Известны также старокельтские названия острова *Rugniatis*, *Rup*, *Rhun*, *Rugpos*, *Ruan*⁶⁵. Соответственно и обитатели острова именуются: Руги, Рутены (Русины), Русци, Ройаны, Руйяны, Раны (*Rugi*, *Rutheni*, *Ruteni*, *Rusci*, *Russici*, *Rojani*, *Rujani*, *Rani*). Т. Милевский, видимо, прав, производя этноним «раны» от «ройаны»⁶⁶. Но в его изначальном славянском значении, равно как и в германском происхождении названия «руги», можно усомниться. На Рюгене во второй половине I тысячелетия бесспорно происходила смена языка, но нет никаких оснований думать, что это было достигнуто за счет смены населения. Указание Г. Меркатора на двуязычие рюгенских «рутенов» свидетельствует о процессе естественной ассимиляции коренного населения славянами.

⁶⁰ F. I. Mone. Op. cit. S. 11.

⁶¹ A. Holder. Alt-keltische Sprachschatz. T. 1. Graz. 1961, S. 184—185.

⁶² M. Rudnicki. O nazwie Tczewa Tursac. SO. Poznań. 1930, № 9, str. 572—574.

⁶³ Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч., стр. 169. Написание *ar* сохраняется в валлийском (кимрском) диалекте. В бретонском пишется *wa*, ирландском — *for* (ирландское *f* = *v*).

⁶⁴ Smith B. S. William. De la toponymie Bretonne. «Supplement to language», Vol. 16, № 2, Baltimore, 1940, pp. 11—12.

⁶⁵ A. Holder. Op. cit. T. II, S. 1243.

⁶⁶ T. Milewski. Pierwotne nazwy wyspy Rugji i słowiańskich jej mieszkańców. SO. T. IX, str. 306.

«Виндальский» язык, в самом названии которого (как и в этнониме «венеды») также явственно проступает кельтское начало, и был, по всей вероятности, первоначальным языком населения Ругии, а разные названия острова могут обозначать одно и то же население или даже передавать одно и то же качество, лежащее в основе имени.

Название «Рутены» носило, как известно, одно из кельтских племен, обосновавшихся задолго до н. э. (и пришедшее откуда-то с севера или из центральной Европы) в южной Франции. Французский исследователь племени «рутеннов из Руерга» (Rouergue — название провинции с римских времен) не сомневается в значении этнонима: в кельтском языке оно означало «красный», «рыжий». «Рыжими рутенами» (*flavi rutheni*) называет их, кстати, и римский автор I в. Лукан⁶⁷. Главный город Рутении назывался *Rodes* или *Rutena*. Название это находится в связи с рекой *Rodanos* (нынешняя Рона). С другой стороны, галльское *roudos* — «красный» — передавалось в разных кельтских языках и диалектах как *ruad*, *rudd*, *ruth*, *ruz*, *rubes*⁶⁸. Современные французские *roux*, *rousse* — «рыжий, рыжая» и *rouge* — «красный» проделали определенную эволюцию от *roge*, *rige* и того же *rubes*⁶⁹. Еще А. С. Фаминцин указал на то, что в сербском языке слово «руйан» значит «темно-красный, желто-красный»⁷⁰. Сходное значение это слово сохраняло и в иных славянских языках, но постепенно оно вытесняется другими синонимами. Греческой средневековой хронографии было известно мнение, что этноним «русский» означает «красный»⁷¹. Лиудпранд прямо говорит, что «это северный народ, который греки по внешнему качеству (*a qualitate corporis*) называют руссами (*rusios*), а мы по их местоположению норманнами»⁷².

Таким образом, все многообразие названий Ругии и ее обитателей является лишь воспроизведением в разных языках, и прежде всего в диалектах кельтских языков, одного и того же исходного качества. Примечательно, что авторы XII в. Герборд и Эбон помещают на северных границах Польши «рутеннов» и по соседству с ними неких «флавов»⁷³. Здесь, возможно, речь идет о родственных племенах или даже об одном и том же племени: «рутении» — это «рыжие» из кельтского, а «флавы» — то же самое из латинского.

Южан, безусловно, должны были поражать светлые «венеты» (венеды), а «рутенны» (русы) в таком случае могли быть одной из приметных их ветвей. Но «внешнее качество», по которому отличали рутеннов, не обязательно соответствует их естественному виду. Дело в том, что кельты искусственно изменяли цвет волос и вообще красились⁷⁴. Высадившиеся в Британии римляне обнаружили, что жители острова «красятся вайдой, которая придает их телу голубой цвет, и от этого они в сражении страшней других на вид»⁷⁵. Легендарный герой ирландских саг Гойдель Глас (Гойдель Зеленый) получил прозвище по цвету его оружия и одежды⁷⁶. Цвета у многих древних народов (среди европейских прежде все-

⁶⁷ A. Albenque. *Les Rutènes. Rodez*. 1948, p. 24. Ср. Лукан. *Фарсалия*, или поэма о гражданской войне. М.-Л. 1951, стр. 18. Издатели переводят выражение как «русые рутены».

⁶⁸ A. Holder. *Op. cit.*, S. 1201—1202, 1235.

⁶⁹ Ср. *Словарь старофранцузского языка*. М.-Л. 1955, стр. 229.

⁷⁰ А. С. Фаминцин. *Божества древних славян*. СПб. 1884, стр. 187. Ср. Сербскохорватско-русский словарь. М. 1958, стр. 836.

⁷¹ В. Завитневич. Происхождение и первоначальная история имени Русь. Отт. из «Трудов Киевской духовной академии», 1892, № 11.

⁷² *MGH SS. T. III. Hannoverae*. 1839, p. 331.

⁷³ «*Monumenta Poloniae historica*» (далее — МРН) Т. II. Lwów. 1872, str. 73.

⁷⁴ Ср. Я. Филипп. *Указ. соч.*, стр. 84.

⁷⁵ «Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне, о гражданской войне, об александрийской войне, об африканской войне». М. 1962, стр. 70.

⁷⁶ G. Lehmacher. *Op. cit.*, S. 155.

го у кельтов) имели и религиозно-символическое значение. Пурпурный, красный цвет символизировал могущество, власть. Адам Бременский и Гельмольд отмечают, что среди балтийских славян только раны-руги имеют короля⁷⁷. Но на Рюгене светская власть была вообще менее заметна, чем жреческая. Очевидно, «королевским» являлось все племя. Этим, возможно, и объясняется ритуальное раскрашивание. Как сообщает Саксон Грамматик, при взятии Арконы в 1168 г. в сундуках под замками было обнаружено множество пурпуровых одежд, от ветхости уже гнилых и худых⁷⁸. Не исключено, что именно одевание русов и соответствующее раскрашивание побуждало греков говорить о том, что они «своим видом показывают кровопролитие»⁷⁹. Но в XII в. «под замками» оказались не только ветхие одежды, но и сама традиция.

Выяснение значения имени «Русь» на Балтике, разумеется, не решает вопроса о происхождении названия многочисленного народа Причерноморья и Приднепровья. Корень «рус» широко распространен в индоевропейских языках. Но, например, и в иранских языках значение его сходное: «светлый» и т. д. Этот корень отразился, в частности, в имени аланского союза племен — роксолан, значительная часть которых ушла из Причерноморья в глубь Западной Европы. Неизменно обращалось внимание на обитавшее здесь же в первых веках н. э. племя «росомонов», то есть «народ рос». В свое время Н. Я. Марр высказал (и, как это часто с ним бывало, не развил) любопытную мысль. «Норманны и русы, — заметил он, — одно и то же, одинаково не имеющие ничего связывающего исключительно с севером Европы, когда речь идет о русах, ничего исключительно германского, когда речь идет о норманнах»⁸⁰. Он, очевидно, предполагал те самые выводы, к которым позднее пришел Г. Ёханссон: на всем севере Европы имеется скифская подоснова (точнее, возможно, киммерийско-скифская). Позднее Скандинавия была германизирована. Что же касается Ругии — она либо была кельтизирована (венетами), либо просто сохранила тот язык, на котором говорили в первоначальной области формирования этого этноса — в Причерноморье.

Имеется и еще один любопытный узел связи славян и кельтов, севера и юга: название «Черного моря», происхождение которого остается непонятным⁸¹. У греков море называлось либо просто «Понт» (море), либо Понт Эвксинский («гостеприимное море»), ранее Понт Аксинский (из персидского «темное» или «негостеприимное» море). Эти названия в средневековой письменности преобладают. Но Повесть временных лет отмечает, что «Понетьское море» «словеть Русское»⁸². А. В. Соловьев насчитывает еще 10 источников, которые называют море «русским». Среди них — русский (описание Константинополя архиепископом новгородским Антонием), два французских (XII — нач. XIII в.), еврейский (XII в.), три немецких (Еккехард, Анналист Саксон и Гельмольд). У арабов преобладает написание названия моря как «румское», то есть романское, византийское. Но Масуди (X в.), Димешки (1256—1327 гг.) и Ибн-эл-Варди (1260—1349 гг.) также называют его «русским»⁸³.

Весьма вероятно, что «Черным» море стало по недоразумению. В действительности оно называлось «Чермным», то есть «Красным». Так оно именуется еще в русских источниках XVI—XVII вв., и только

⁷⁷ «Magistri Adam Bremensis gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum». Hannoverae et Lipsiae. 1917, p. 245; Гельмольд. Славянская хроника. М. 1963, стр. 38.

⁷⁸ Ср. А. С. Фаминцин. Указ. соч., стр. 24.

⁷⁹ В. Завитневич. Указ. соч., стр. 31, 34.

⁸⁰ В. А. Миханскова. Николай Яковлевич Марр. М.-Л. 1948, стр. 276.

⁸¹ Ср. Г. Г. Кузьминская. Черное море. Краснодар. 1968, стр. 4—5.

⁸² ЛЛ, стр. 7.

⁸³ A. Soloviev. Mare Russiae. «Die Welt der Slaven». J. IV, H. 2. Wiesbaden. 1959.

с XVIII в., когда утратилось древнерусское значение слова, выпала и буква «м», отличавшая два разных цвета⁸⁴. Следовательно, эквивалентом «русскому» в славянском языке было слово «красный». Замечательным подтверждением такой этимологии является название моря в упомянутой выше саге «Гойдель Глас»: «скифский» период ирландской предистории протекает у берегов Красного моря (Maга Ruad)⁸⁵.

Здесь не место рассматривать историю славяно-кельтских контактов в районе Приднепровья и Черного моря. Но, может быть, не случайно греки настойчиво называют русских «тавроскифами», несмотря на то, что Таврия, где, по-видимому, проживали потомки рассеявшейся в разные стороны киммерийской этнической общности, являлась, в сущности, окраиной славяно-русского мира. Кельтское влияние, безусловно, отразилось в важной для формирования славянства зарубинецкой культуре⁸⁶. В III в. до н. э. галаты угрожали греческой черноморской Ольвии, причем в союзе с ними оказалось местное племя скирров. В последнее время появились данные, свидетельствующие о том, что и столь важная для понимания характера исторического развития Приднепровья черняховская культура (II—IV вв.) носит на себе черты «кельтского ренессанса»⁸⁷. Все эти факты, возможно, объясняют причины «двусторонней связи» северо-запада Европы и Причерноморья: какая-то часть населения Западной Европы упорно считала своей прародиной Причерноморье и испытывала как бы естественное тяготение к этому району.

Недавно советскими антропологами был сделан ряд весьма интересных и важных наблюдений. Т. И. Алексеева, сопоставляя краниологический материал Киевского некрополя — едва ли не основную базу современного норманизма — с такими же данными о германцах, получила поразительные результаты. Оказалось, что «ни одна из славянских групп не отличается в такой мере от германских, как городское население Киева»⁸⁸. К тому же типу автор отнесла и сельское население Киевщины, что свидетельствует о его безусловной автохтонности (по крайней мере в пределах нескольких столетий). Распространенный в Киеве обряд погребения (камерные трупоположения), как это неоднократно отмечалось, имеет определенное сходство со «скифским» обрядом⁸⁹. И антропологический материал позволяет устанавливать преемственность оставившего эти погребения населения с черняховцами (II—IV вв.) и еще далее — с этническими группами, родственными скифам⁹⁰. Все эти дан-

⁸⁴ Ср. ПСРЛ. Т. XI. М. 1965, стр. 153; т. XII, стр. 79, т. XIII, стр. 36 (последнее известие — 1520 г. в старших списках пишется как «Чермное», а в позднейших — «Черное»); т. XXX. М. 1965, стр. 189; т. XXXI. М. 1968, стр. 78. «Черным» море могло стать и не без влияния турецкого названия «Кара денгиз» — «Черное море».

⁸⁵ G. Lehmacher. Op. cit., S. 156. Ср. также: V. Hull. The Milesian Invasion of Ireland. «Zeitschrift für celtische Philologie», Bd. 19, Halle, 1931, p. 156.

⁸⁶ Д. А. Мачинский. О культуре Среднего Поднепровья на рубеже скифского и сарматского периодов. КСИА. Вып. 133. М. 1973; его же. Кельты на землях к востоку от Карпат. «Археологический сборник». Вып. 15. Л. 1973.

⁸⁷ М. Б. Щукин. Черняховская культура и явление кельтского ренессанса (к постановке проблемы). КСИА. Вып. 133.

⁸⁸ Т. И. Алексеева. Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху средневековья и отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы. «Расогенетические процессы в этнической истории». М. 1974, стр. 81. М. К. Каргер справедливо заметил, что «погребения этого типа... представляют господствующий погребальный обряд социальной верхушки киевского общества в IX—X вв.» (М. К. Каргер. Древний Киев. Т. I. М.-Л. 1958, стр. 228).

⁸⁹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М. 1948, стр. 40, 117; его же. Древности Чернигова. «Материалы и исследования по археологии», № II. М.-Л. 1949, стр. 52—53 и др.

⁹⁰ М. С. Великанова. Палеоантропологический материал из могильников черняховской культуры Молдавии. «Антропологический сборник». Т. III. М. 1961, стр. 48—49; В. П. Алексеев. Происхождение народов Восточной Европы. М. 1969, стр. 188—195; Т. И. Алексеева. Этногенез восточных славян. М. 1973, стр. 256, и др.

ные свидетельствуют о том, что неславянские элементы быта и верований не обязательно привнесены извне, равно как и внешние привнесения нет необходимости связывать с германцами, особенно если учесть бесспорный факт господства здесь славянского языка с самого зарождения Древнерусского государства.

Если этноним «Русь» мы встречаем и на севере и на юге, то название «варяги» известно только северу (но не Скандинавии; ср. упомянутый выше топоним «Варангерфьорд»), а на Руси и в Византии они воспринимались как пришлый элемент. Очевидно, имя «Русь» так или иначе означало понятие этническое, а «варяги» — лишь географическое. Название «варяги» обычно объясняют из германских языков. Наиболее популярна этимология М. Фасмера, производящего слово от якобы скандинавского *var* — «верность, порука, обет»⁹¹. Однако это слово в действительности является общиндоевропейским, известным, в частности, кельтским языкам⁹². Предлагаемое М. Фасмером объяснение названия предполагает существование в течение ряда веков четко организованной разбойничьей общины, что само по себе маловероятно. К тому же разбойники и пираты бороздили все моря в эпоху средневековья, но «варягами» — «варангами» именовали только определенное население Прибалтики. Если же говорить о попытках привязать эту общину именно к Скандинавии, то следует иметь в виду и факт, установленный В. Г. Васильевским: «варяжская» дружина существовала в Византии задолго до того, как в нее начали вливаться собственно норманны⁹³. Зато прямое указание на кельтоязычие варягов обязывает проверить, что этот этноним может означать в кельтских языках.

Слово *var* в санскрите означает «вода». По всем областям кельтского расселения этот корень встречается при обозначении названий рек. Таковы река «Вар» и ряд производных от этого наименования названий ее притоков в Южной Франции (в департаменте Вар)⁹⁴, рек в Британии и Шотландии⁹⁵, а также в других районах кельтского расселения⁹⁶. Выше отмечалось, что море в некоторых диалектах кельтских языков называлось *vor*. Известен также вариант *var*⁹⁷. В кельтских языках буквы *m*, *b*, *v*, *f* взаимозаменяемы⁹⁸. Поэтому на месте одной из этих букв постоянно встречаются другие. В донегальском диалекте ирландского языка море обозначается как *farraige*⁹⁹. Иными словами, названия народов и племен, имеющие в основе корень «вар», в кельтских языках естественно увязываются с водой, морем. Так, северогалльское племя «морины» и прибалтийские «варины» (позднее «варны»), жившие на морском побережье, своими названиями просто фиксируют этот факт. Название «варяги», следовательно, также может обозначать морских жителей, людей моря, выходцев из «сердца моря», как говорил Гельмольд. Примечательно, что грекам, помимо варианта «варанги», было известно и произношение «маранги»¹⁰⁰. Здесь мы снова имеем дело с типично кельтским чередованием звуков, а также с ясным указанием на «морское» происхождение этнонима. Этим, кстати, объясняется и многозначие термина: как одного из приморских народов и как приморских народов вообще.

⁹¹ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М. 1964, стр. 276.

⁹² H. Wagner. Op. cit., S. 3—6.

⁹³ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 210, и др.

⁹⁴ A. Albenque. Op. cit., pp. 117—118.

⁹⁵ E. Schwarz. Op. cit., S. 66; J. Hotha. *Antiquitate Celto-Normannicae*. Copenhagen. 1786, p. 109.

⁹⁶ H. Bahlw. Op. cit., S. 11.

⁹⁷ P. F. Gregoire de Rostrenen. Op. cit., p. 616.

⁹⁸ Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч., стр. 168.

⁹⁹ Там же, стр. 79. Ср. также: Seán ó Neochaidh—Seamas ó Cathain. *Foclóir agus Seanchas na Farraige*. «Zeitschrift für celtische Philologie». B. 31, S. 251—252.

¹⁰⁰ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 220—221.

Суффикс «анг», как известно, характерен для прибалтийских славян. Здесь, в зоне славяно-кельтских контактов, и возникло название этнонима. Но не исключено, что позднее оно переосмысливалось. Так, название «варны» под влиянием тотемических культов, вероятно, переосмысливалось как «враны» («вороны»), тем более что и в кельтском языке эта птица обозначается сходным словом (*bran, vran, veran*)¹⁰¹. Возможны и иные их осмысления в славянском и германском языках. Судя по всему, и греки не понимали значения этнонима «варанги», равно как замещающего его «маранги».

Таким образом, разбор письменных свидетельств и некоторых других данных (в частности антропологических) не дает оснований считать варягов германцами и вместе с тем обязывает внимательно присмотреться к указаниям на их кельтическую в конечном счете природу. Этот вывод обязательно должен учитываться и при рассмотрении «варяжских» имен — главного прибежища норманизма. Уже А. А. Шахматов, доказывая тезис о давнем взаимодействии славян и кельтов в Прибалтике, указал на три имени, заимствованные, по его мнению, славянами из кельтского: Брен, Як, Кобрун¹⁰². Но, поскольку он не отождествлял южнобалтийское население с варягами, он не сопоставлял «варяжский» именослов с кельтским. Между тем именно такое сопоставление дает самые замечательные результаты.

Сами по себе имена, конечно, не определяют этническую принадлежность. Иордан (VI в.) оставил чрезвычайно важное в этой связи указание как общего, так и конкретного значения. «Все знают и обращали внимание, — замечает он, — насколько в обычае у племен перенимать по большей части имена: у римлян — македонские, у греков — римские, у сарматов — германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские»¹⁰³. Но имена, очевидно, свидетельствуют о реальных контактах племен и народов, а выяснение их конечных истоков дает значительный материал для изучения традиции если не этнического, то культурного влияния. Разумеется, анализ антропонимического материала приобретет самостоятельное значение лишь при условии, если он будет проводиться на фоне столкновений и взаимодействий на изучаемой территории разных племен в течение по крайней мере нескольких столетий. В работах германских филологов и даже у многих негерманских авторов ярко выражена тенденция приписать германское происхождение подавляющему большинству европейских имен только на том основании, что они встречаются на территории, именуемой «Германией», в частности у винилов, вандалов, ругов, готов. Но германоязычие трех первых по меньшей мере сомнительно, а имена готов сам Иордан разъясняет не как германские, а как «гуннские»¹⁰⁴.

Резкой и справедливой критике германские ономастические труды (и прежде всего многотомное исследование А. Баха) подверг Г. Балов. Он, в частности, признал совершенно несостоятельными методически попытки насильственно объяснять из германских языков такие наименования, которые и исторически и лингвистически естественней выводятся из кельтского. Необходимо учитывать и еще одну особенность истории имен. Переходя от одного народа к другому, они часто переосмысливались. Первоначальное их значение может совершенно не совпадать с тем, которое они приобрели у другого народа. Неправильная интерпретация имени ведет в таком случае к искажению исторического процесса, разры-

¹⁰¹ Smith B. S. William. Op. cit., p. 20. Verani — одно из названий все тех же руйан.

¹⁰² А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 47—48.

¹⁰³ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М. 1960, стр. 77.

¹⁰⁴ Заслуживает особого внимания тот факт, что исторические готы не имели германских антропологических черт. Ср. Т. И. Алексеева. Славяне и германцы., стр. 64—65, и др.

ву взаимосвязанных явлений. Ф. И. Моне еще в прошлом столетии приводил примеры того, как может быть искажено и переосмыслено содержание слова при переходе его, в частности, из кельтского в германский язык. Так, ясное кельтское *Ricdag* — «хороший вождь», «добрый король» — превратилось на немецкой почве в *Regentag* (соединение слов «дождь» и «день») ¹⁰⁵. Много аналогичных примеров приводит и Г. Баллов. Очевидно, собственно «германскими» могут быть достоверно признаны только такие элементы языка и культуры, которые не прослеживаются в предшествующей цивилизации.

«Гуннские» имена готов — это как раз те имена, которыми обычно обосновывается германоязычие ряда прибалтийских племен, передвинувшихся в первые века н. э. в Центральную Европу и вошедших в гуннский союз: ругов, гепидов, герулов и др. Речь идет о многочисленных именах на «мар» (мир, мер) и «риг» (рих): Валамер, Видемир, Теодорих и т. д. Разумеется, в этих именах нет ничего (или почти ничего) тюркского. Тем не менее «гуннский» язык назван Иорданом не случайно, и этот язык не был «домашним» гуннским средством общения. Приск Панийский (V в.) сообщает, что «гуннский» язык отличался от собственного «варварского» языка гуннов, причем если в последнем языке можно предполагать тюркскую систему, то «гуннский» явно относился к индоевропейской группе. Судя по всему, это был язык общения разноплеменного коренного населения Центральной Европы, на территории которой сложилось гуннское государственное объединение.

Этноним «гунны» известен в средневековой литературе в двух качествах: для обозначения пришельцев с востока и как название какого-то европейского народа. «Норманнская хроника» (IX в.) помещает «хунов» в числе скандинавских народов ¹⁰⁶. Видукинд (X в.) считал, что «гунны» вторглись из «Готии», которой традиция отводила район Прибалтики ¹⁰⁷. Некоторые авторы называют «унгарами» славянское прибалтийское племя украин (видимо, ветвь вагров) ¹⁰⁸. Название это существовало еще до того, как его получили венгры (в качестве наследников гуннов). У готов и вандалов были популярны имена типа Гунила, Гунерих, Гунимунд. Одно слово «гуннского» языка — название напитка *medos* — Приск приводит, и на этом основании некоторые авторы признают «гуннский» язык славянским ¹⁰⁹. Почти наверняка на территории гуннского союза славяноязычное население составляло значительный компонент. Но здесь издревле проживало и кельто-иллирийское население. Так, отмеченное название напитка равным образом указывает на славян и на кельтов, свидетельствуя об их давних контактах. Очевидно, именно с «кельтским ренессансом» связано распространение и имен с компонентами *rig*, *rix*, *tag*. Имена-титуды с компонентами *rig*, *rix* едва ли не наиболее употребительны в Галлии римской поры. Не вызывает сомнений и значение компонента «вождь», «король» ¹¹⁰. Правда, в последнее время были попытки «разделить» этот компонент между кельтами и германцами ¹¹¹. Но это делается явно вопреки Иордану. Наверняка и у самих кельтов имя со временем оторвалось от своего первоначального значения титула. Тем более по-своему стремились осмыслить его другие народы.

¹⁰⁵ F. I. Mone. Op. cit., S. 40.

¹⁰⁶ MGH SS. T. I, H. 1826, p. 532 (Huni).

¹⁰⁷ MGH SS. T. III, p. 425.

¹⁰⁸ MGH SS. T. VI, H. 1844, p. 362; «Pomniki dziejowe Polski», T. VIII, cz. 2. Warszawa, 1970, str. 7, 134—135.

¹⁰⁹ А. Н. Бернштам. Указ. соч., стр. 159 и 167.

¹¹⁰ Cp. D'Arbois de Jubainville. Les noms Gaulois. P. 1891, pp. 2—18 etc.

¹¹¹ Cp. K. H. Schmidt. Die Komposition in gallischen Personennamen. «Zeitschrift für celtische Philologie». B. 26. Tübingen. 1957, S. 73—76, etc.

В прошлом столетии не было сомнений и относительно значений компонента «мар»: во всех кельтских языках оно означает «великий»¹¹². Допускалось, что вариант *mag*, *mog* несколько отличался от варианта *meg* — «слуга», «управляющий» и т. д.¹¹³. В последнее время наметилась тенденция поделить и этот компонент между кельтами и германцами, поставив заодно и славянское «мир» в зависимость от старогерманского *magi* — «знаменитый»¹¹⁴. Но в этом случае, помимо Иордана, на пути к такому истолкованию становится еще Титмар Мерзебургский (ум. 1018 г.). Имена князей Яромир, Владимир и Владивой он объясняет из славянских языков, первое как «прочный мир», второе (впрочем, не без сомнений) как «обладание миром», третье как «обладатель войска»¹¹⁵. Современные авторы и издатели полемизируют с Титмаром, подсказывая ему германское объяснение этих имен. Но вряд ли случайно, что средневековые хронисты не воспринимали их таковыми. Если наряду с очевидным германским *Rhym* — «слава» и производными от него в том же значении употребляется совершенно другой корень, происхождение его должно привлечь особое внимание.

Титмар Мерзебургский, по-видимому, передавал то понимание имен, которое было распространено в его время у самих славян и их непосредственных соседей. В литовском языке слово *valdymieras* означает «обладатель», «государь», и в этом обычно видят отражение славянского осмысления¹¹⁶. По всей вероятности, под влиянием датско-русских связей в XII в. появляются «Вальдемары» в династии датских правителей¹¹⁷. Но в конечном счете эти имена уходят в глубокую древность. В Галлии имя *Waldemar* зафиксировано уже в VII и VIII вв., встречается здесь оно и позднее¹¹⁸. В IX—X вв., то есть примерно в то время, когда жил Титмар, встречается оно и у саксов в написании *Waldmar* — *Waltmar*¹¹⁹. Как указал еще А. А. Шахматов, корень «влад» и по смыслу и по написанию совпадает у кельтов и славян¹²⁰. И здесь и там производные от этого корня означают и правителя, и правление, и территорию (сл. «влат» — «великан», «владыка», «владарь», «властитель», «владение», «власть», «волость»). Производные от *vald* широко представлены также в литовском и латышском языках, в чем может проявляться результат длительного взаимодействия кельтов, славян и балтов или непосредственное кельтское влияние. Более локальное значение имеет тот же корень в скандинавских языках, где его вытесняют германское *hegg* и его производные. Славянское же «мир» является результатом сравнительно позднего переосмысления из «мар» или «мер».

Помимо названия напитка («medos») и «гуннских» имен готов, может представить интерес несколько «гуннских» топонимов. Так, река Днепр в «гуннском» языке называлась «Гунновар»¹²¹. Это обозначение ясно объясняется из кельтского как «река гуннов». Не исключено, что в эту связь можно поставить и название «Гунигард» (город гуннов), которое средневековая историография ошибочно переносила на Киев. По мнению Г. Ёханссона, славянские «град», «город», равно как скандинавское

¹¹² F. I. Mone. Op. cit., S. 194 etc.; D'Arbois de Jubainville. Op. cit., p. 24. Ср. Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч., стр. 31, и др.

¹¹³ F. I. Mone. Op. cit., S. 101, 194.

¹¹⁴ A. Bach. Op. cit., S. 224; K. H. Schmidt. Op. cit., S. 77—80; D. Ellis Evans. Gaulish personal names. Oxford. 1967, pp. 223—228; M.-T. Morlet. Les noms de personne sur le territoire de l'ancienne Gaule du VI-e au XII siècle. I. P. 1968, p. 168.

¹¹⁵ Thitmar Merseburgensis episcopi. Chronicon. B. 1966, pp. 254, 434, 216.

¹¹⁶ K. H. Schmidt. Op. cit., S. 80.

¹¹⁷ Ср. В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М. 1968, стр. 147 и 330.

¹¹⁸ M.-T. Morlet. Op. cit., p. 213.

¹¹⁹ W. Schlaug. Die altsächsische Personenamen..., S. 168.

¹²⁰ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 47; ср. Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч., стр. 116, 202, и др.

¹²¹ А. Н. Бернштам. Указ. соч., стр. 165.

garden — «сад, усадьба» — вместе с ирландским *garda* или шотландским *gagad* уходят в глубокую скифо-кельтскую древность ¹²².

Весьма любопытно, что и гунны в Европе носили те же имена, что и представители других этнических групп, входивших в созданное гуннами объединение. При вторжении в Крым ими предводительствовал Валамер. Имя Аттилы по образованию однотипно с именем вождя ругов Тотилы ¹²³. Имя Ругилы передается также в варианте Руя, то есть в его произношении сказываются те же фонетические законы (чередование «g» и «j»), с которыми приходилось иметь дело при рассмотрении разных наименований Ругии ¹²⁴. Имя Блед, по всей вероятности, происходит от кельтского *bled, blaid* — «волк». Подобные имена известны в Уэльсе ¹²⁵. Факт наличия кельтизмов в гуннском именослове может быть объяснен либо тем, что гунны уже в Причерноморье вошли в соприкосновение с кельтоязычным населением и восприняли какие-то элементы его общественного быта, либо тем, что имена гуннов попали в источники в кельтской огласовке. В обоих случаях бесспорен факт раннего соприкосновения гуннов с кельтами и приходится предполагать наличие в пределах черняховской культуры не только отражения кельтского культурного влияния, но и проживание здесь кельтоязычного населения. Очевидно, не случайно также широкое распространение имен на «гаст» у антов и франков в одно и то же время. Этот компонент даже наиболее ревностные германисты отказываются объяснять из германских языков ¹²⁶. Между тем подобные имена были широко распространены у кельтов еще в галльское время, где компонент *gast* и его различные варианты означали «благородный», «достойный» и так далее ¹²⁷.

Долговременное пребывание в Причерноморье и на Среднем Днепре скифов и других этнических групп, относимых обычно к иранской ветви индоевропейского населения, несомненный факт участия этих групп в сложении древнерусской цивилизации и даже антропологического типа славянорусов побуждают воздержаться от зачисления в «варяжские» всех имен послов и купцов, упомянутых в договорах Руси с греками 911 и 945 годов. В договоре Игоря специалисты уже называли ряд имен иранского происхождения: Сфанъдр, Истр, Прастен, Фроутан ¹²⁸. Имя Сфанъдр, равно как иранское Эсфандар, очевидно, происходит от «Эсфанд» — двенадцатый месяц года: названия месяцев у иранских племен, видимо, имели магическое значение ¹²⁹. Полным соответствием Фроу-

¹²² G. Johansson. Op. cit., S. 155. Ср. Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч., стр. 76 (*garth* в значении ограждения, изгороди).

¹²³ В. М. Жирмунский полагает, что «Аттила» значит в готском языке «батюшка» («Вестник древней истории», М. 1938, № 4(5), стр. 260). Но это как раз одно из тех имен, которые Иордан признавал «гуннскими» и которые смыкаются с кельтскими. Ср. Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч., стр. 53 (ирл. *athir* — «отец» и т. д.). Славянское «отец» А. А. Шахматов прямо признавал заимствованием из кельтского. Еще ближе шотландское *Athill (Hathill)* — «знатный» (ср. W. A. Craigie. A dictionary of the older scottish tongue from the twelfth century to the end of the seventeenth. Vol. III. Chicago. 1953—1957, pp. 66—67).

¹²⁴ Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч., стр. 38 и 55.

¹²⁵ E. Weekly. Surnames. L. 1936, p. 286.

¹²⁶ Ср. А. Вач. Op. cit. T. I, t. I, S. 226. Ср. славянские имена: Ардагаст, Андрагаст, Анангаст, Доброгаст, Келагаст, Невюгаст, Оногаст, Пирогаст, Радогаст, Унигаст и франкские имена: Арогаст, Бодогаст, Нодогаст, Салегаст, Видогаст, Висогаст и др.

¹²⁷ F. I. Monе. Op. cit., S. 187—188, 197, 204; Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч., стр. 26 и 47.

¹²⁸ А. А. Зализняк. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода. Славяно-иранские сходства в мифологической и религиозно-этической области. «Вопросы славянского языкознания». Вып. 6. М. 1962, стр. 44; Л. А. Лелеков. К реконструкции раннеславянской мифологической системы. «Советское славяноведение», 1973, № 1, стр. 54, и др.

¹²⁹ Ср. имя Азар — девятый месяц года (заимствованное), Рам — 21-й день солнечного месяца и т. д.

тану из договора Игоря является иранское имя Форутан, что означает «простой», «скромный». Имя Прастен, возможно, объясняется из причастия *pārāstānde* со значением «поклоняющийся», «почитающий», «слуга». Это имя было, видимо, распространенным: в договоре его носят три лица. Созвучно ему имя Фрастен, а также Фурьстен. В иранских языках имеется имя Варасте (значение — «спокойный», «спасенный»). Но, может быть, имя из договора одного корня со словом *fērēstāndē*, то есть «отправитель», «экспедитор», и, следовательно, означает придворную должность.

Иранские параллели можно указать и к ряду других древнерусских имен. Так, легендарному основателю Киева — Киею имеется аналогия в иранском имени Кий. Слово *кей* или *кийя* в иранских языках означает «правитель», «владыка», «царь». Во всех индоевропейских языках наблюдается постоянный переход имен в титулы, а титулов в имена. Примечательно, что древнерусскому имени Олег имеется иранская параллель — Халег со значением «творец», «создатель». Возможно, что происхождение этого имени связано с ирано-тюркскими контактами: в тюркских языках *улу* означает «старший», «высший». Один из венгерских вождей эпохи переселения на Дунай носил имя Хулек¹³⁰. На болгарской почве тюркское *улу* дало *олг*¹³¹. Полное созвучие в иранском именослове находит имя из договора Игоря Алвад (в иранском также вариант Арванд). Имя Мутур из договора Игоря, возможно, должно быть сопоставлено с иранским Мохтар или же с причастием *māhtār* со сходным значением «полномочный», «свободный», «независимый» в первом случае, «старший», «высший», «глава», «вельможа», «повелитель» — во втором.

Круг сопоставлений древнерусских наименований с иранскими, по всей вероятности, может быть существенно расширен. Заслуживает внимания проверка в этом плане древнерусской «государственной» терминологии. Можно отметить, например, что русскому социальному обозначению «барин» соответствует иранское имя Барин или слово *bārin*, означающее «верхний», «высший». Явные иранизмы ощущаются в лексике, связанной с языческими культами. Может быть, следует в этом плане пересмотреть вопрос о «русских» наименованиях днепровских порогов. «Норманские» объяснения остаются малоубедительными не только потому, что предлагаемые соответствия слишком отдаленны, но и потому, что появлению топонимов предшествует длительное проживание на данной территории соответствующего населения. В этой связи заслуживают внимания отдельные аналогии из иранских языков. Так, греческому Вароуфорос очень близким по звучанию оказывается иранское *bāroforud*, что означает «горы и доли», «верх и низ», «подъем и спад» (славянское название этого порога — Вулнипрах). «Русскому» Леанти может соответствовать иранское *lā'nati*, означающее «проклятый», «проклятуший». Но, разумеется, наименования порогов не могут служить надежным ориентиром при определении языка приднепровской Руси: неизвестно, с чьих слов писал о них Константин Багрянородный и в какой интерпретации дошли до него все эти названия.

Выделение иранизмов в древнерусском именослове затрудняется тем, что ряд имен, находящих прямое соответствие в иранской антропонимии, могут объясняться и из других языков. Если же учесть, что скифы в языковом отношении стоят между иранцами и кельтами, причем те и другие, по всей вероятности, взаимодействовали в рамках черняховско-

¹³⁰ В. Юргевич О мнимых норманских именах в русской истории. «Записки Одесского общества истории и древностей». 1867, стр. 116.

¹³¹ И. Заимов. Битолски надпис на Иван Владислав самодържец български. София. 1970, приложение, табл. 10 (надпись 904 г. на греческом языке: «...επι Θεόδору олгу тракану», то есть «...при Феодоре олге тархане», где *олг* значит «великий»).

го союза, такое отграничение становится особенно затруднительным. Так, имя Тур широко распространено у иранцев, иллирийцев и в области кельтского расселения. Имя из договора Игоря — Стир — может быть объяснено из иранского как «великий» (афганский, осетинский), но имеется и прямая аналогия ему в кельтских областях. Имя Кары из договора Игоря может быть объяснено от иранского *кари*, означающего «старательный», «усердный», «энергичный», «боевой». Оно может быть понятным также в тюркском осмыслении (от «кара» — черный или «кари» — старый). Но соответствие ему имеется и в кельтском именослове — *Carius*¹³². Если учесть, что это имя встречается в Скандинавии, предпочтение должно быть отдано кельтскому объяснению. Кельтское звучание иранского слова прямо проявляется в имени Алдан. Речь идет о племенном названии Аллан, занесенном племенем алан на европейский северо-запад. Но у кельтов удвоение сонорных часто порождало (или было следствием) сочетания сонорного с «d»¹³³.

Собственные славянские имена известны мало. Большинство дошедших до нас имен — это титулы князей (Святослав, Владимир, Всеволод и т. д.). Имена дружинников, а тем более простонародья практически неизвестны. Можно, однако, думать, что наблюдение Иордана в полной мере относилось и к славянам. Определенное переосмысление наблюдается уже в княжеских именах-титулах. Славяне, очевидно, заимствовали имена у тех народов, во взаимодействии с которыми происходило сложение их государственных институтов. А к таковым опять-таки должно отнести прежде всего причерноморских иранцев и кельтов. В договоре Игоря, помимо княжеских имен Святослава и Володислава, к славянским можно отнести имена Воист, Воико, Синко, Сфирько, причем славянскими они опять-таки являются в результате переосмысления заимствованных имен, прежде всего, по-видимому, кельтских.

Кельтская антропонимия представлена в древнерусском именослове наиболее богато. В языке кельтов находятся аналогии для многих имен, которые принято считать «норманскими» и которые, видимо, являются действительно «варяжскими». Ряд кельтских имен могут открывать легендарные Рюрик и его братья Синеус и Трувор.

Имя Рюрик с непонятной легкостью было отдано норманизму, хотя германские языки не могли ни объяснить его значения, ни даже дать достаточно представительные параллели. Указание на скандинавское *Hroerek*¹³⁴ скорее свидетельствует против сближения варягов со скандинавами, нежели в его пользу. Дело в том, что имя Рюрик (*Rauric*, *Ruric*, *Roric*) достаточно широко распространено в Европе с первых веков нашей эры. А. Хольдер приводит пять таких имен для времени до VII века. Одно из них относится ко времени Константина Августа (начало IV в.), другое — к концу IV столетия¹³⁵. Указывается также имя «Рюрика сына Фауста» (*Ruricio filio Faustus*) — епископа Лиможского (конец V — начало VI в.) и два «Рюрика» VI—VII веков. М.-Т. Морле приводит имена 12 «Рориков» с территории Франции IX —

¹³² A. Holder. Op. cit., III, S. 1102, 1103, 1106. В ирландском языке *car* — «друг», в некоторых других кельтских языках *car* — «родич» (см. Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч., стр. 95, 97).

¹³³ Известен ирландский король и поэт первой половины VIII в., имя которого было Allan или Oldán (K. Meyer. König Aed Allán (Oldán) als dichter. «Zeitschrift für celtische Philologie». B. XIII. См. также имена Aldan, Alladan (M. E. Dobbs. The History of the Descendants of Ir. Ibid. B. XIV. Halle. 1923, s. 96, 108).

¹³⁴ Ср. В. Томсен. Начало русского государства. М. 1891, стр. 66. Ближе параллель с Рориком Ютландским или Фрисландским. Ср.: Н. Т. Беляев. Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи («Seminarium Kondakovianum», Прага, 1929, т. 3); Г. Ловмянский. Рорик фрисландский и Рюрик новгородский («Скандинавский сборник». Т. VII. Таллин. 1963).

¹³⁵ A. Holder. Op. cit. T. II. S. 1248—1249. Ср. Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte. Viertel Teil. B. 1971, S. 78, 136, 140.

начала XII века¹³⁶. В литературе обращалось внимание на созвучные этому имени названия у славян-вендов сокола (Рарог, Ререг, Рурк)¹³⁷. Высказывалось также мнение, что в этом имени кельтское «рик» — король соединено с латинским корнем *rus, rugis*, означающим «поле», «село», «сельское хозяйство»¹³⁸. Но, видимо, значение имени более простое.

У всех народов наблюдается переход этнического названия в личные имена. Память о многих исчезнувших племенах нередко только и живет в таких именах. Так, в договоре Олега упоминается Карн. В свое время было в Прикарпатье такое кельтское племя, и оно оставило после себя значительное количество личных имен, повторяющих название племени¹³⁹. Очевидно, такого же происхождения имя Тилен из договора Игоря. Так называлось кельтское племя в Галатии. Во времена Юлия Цезаря в кельтской Галлии по соседству с гельветами обитало племя рауриков (*Raurici*), позднее куда-то переселившееся. Впоследствии здесь был город *Augusta Rauricorum* (близ Базеля)¹⁴⁰. Название племени, вероятно, имеет географическое происхождение: племя обитало в районе реки Раура (Рур). М. Рудницкий указал на параллель для кельтской Рауры: приток Одера носил название *Rurica, Rorese*¹⁴¹. «Рориками» (*Rauricus*) прямо называли выходцев из района Рауры¹⁴².

В современных этимологиях имя Рюрик часто рассматривают в качестве производного от «Родерик»¹⁴³. Оставляя в стороне вопрос о происхождении последнего имени (объяснение его из германских языков, как и во многих других случаях, не выглядит безупречным), заметим, что в кельтских языках оно звучит как «Пури» (*Rogu* — в ирландском и *Rugie* — в уэльском)¹⁴⁴. Такое образование, возможно, свидетельствует об определенной эволюции северных диалектов кельтских языков. Так, в ирландском «король» — *ri* (а не *rig*). Вместе с тем в этих диалектах широко распространены имена с окончанием на гласный звук (обычно «i» или «u»). Аналогии им находятся в группе имен договоров Олега и Игоря (Карлы, Кары, Моны, Куци, Бруни и т. д.). В фонетическом плане может представлять также интерес тенденция к замене (в начале слова) индоевропейского «u» на «ü» в кельтских языках¹⁴⁵.

Синеусу варяжской легенды обычно указывают скандинавскую параллель *SigniutR*¹⁴⁶. Но, не говоря уже об отдаленности параллели, имя это не находит в языках Скандинавии удовлетворительного объяснения. Поэтому с давних пор привлекало внимание предположение о былинном происхождении имен Синеус и Трувор: первого как кальки выражения легенды «с родом своим» (*sine hus* — свой род), а второго как кальки выражения «верная дружина» (*thru varing*)¹⁴⁷. Но это

¹³⁶ M.-T. Morlet. Op. cit., p. 191 (*Roricus, Rorigus, Rorico*).

¹³⁷ Е. Классен. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славян-русов до рюриковского времени в особенности. Вып. 2. М. 1854, стр. 21—22, и др.

¹³⁸ С. Шелухин. Звідкіля походить Русь. Прага. 1929, стр. 30.

¹³⁹ A. Holder. Op. cit. T. I, S. 794; t. III, S. 1109—1110.

¹⁴⁰ «Записки Юлия Цезаря...», стр. 16, 133.

¹⁴¹ M. Rudnicki. Die Slaven, Kellen und Germanen in Bassin des Baltischen Meers zu Beginn der indoeuropäischen Äre. SO. T. XV. S. 136; idem. Odra i jej ujścia. Ibid. S. 63—64.

¹⁴² D'Arbois de Jubainville. Op. cit., pp. 37—38, 96.

¹⁴³ Ср. Словарь английских личных имен. Сост. А. И. Рыбакин. М. 1973, стр. 302.

¹⁴⁴ Там же, стр. 303. Известно также ирландское имя *Ruarc*.

¹⁴⁵ Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч., стр. 31.

¹⁴⁶ В. Томсен. Указ. соч., стр. 66.

¹⁴⁷ Обсуждение этого вопроса см.: В. А. Мошин. Начало Руси. Норманны в Восточной Европе. «Byzantinoslavica». Т. III. Prague. 1931, стр. 299; И. П. Шаскольский. Современные норманисты о русской летописи. «Критика новейшей буржуазной историографии». Л. 1961, стр. 371; Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, стр. 293; К. Д. Лаушкин. О мифологической основе легенды о призвании варягов. «Тезисы научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии». Тарту. 1963; В. В. Мавродин. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М. 1971, стр. 126—127.

скорее остроумное, чем достоверное решение, свидетельствующее о безнадежности попыток дать удовлетворительное объяснение этих имен из германских языков. Эта гипотеза предполагает использование русским летописцем (XI в.) записанного на скандинавском языке норманского сказания, что мало вероятно как для древнерусской, так и для скандинавской литературы того времени. Зато в кельтских языках обнаруживаются достаточно ясные и естественные параллели. В них, в частности, встречается большое количество имен, восходящих к *sinu* — «старший»: *Messenius Sinaeus*, *Sinus*, *Sinicus*, *Sincius*. Первоначальное кельтское звучание этого важного для эпохи перехода от общинного строя к государству понятия — *sinjos*¹⁴⁸ — практически совпадает с написанием имени брата Рюрика. Вероятнее же предположить, что речь идет уже о славянском осмыслении имени (по аналогии с «Черноусом» и «Белоусом»). Исходный его вид, возможно, напоминал галльский *Bellouesus*¹⁴⁹, где вторая часть — вариант упомянутого выше *gast* или *gost*¹⁵⁰. Можно указать также на распространенный вариант этого компонента в ирландских именах: *Fergus*, *Aengus*, *Artigus*, *Congus*, *Rudgus*, а также позднее галльское *Sinigus*.

Для имени Трувор указывается скандинавский аналог *porvardR*¹⁵¹. Аналогия не слишком близкая и совсем не ясная. Вряд ли можно признать удачным и сопоставление имени с выражением «верная дружина»¹⁵². Гораздо более широкие возможности открывают снова кельтские параллели. Так, имя может быть сопоставлено с многочисленными производными от племени тревров¹⁵³. В древнефранцузском языке имелось прямо совпадающее с именем слово *trouveur*, означавшее «поэт», «трубадур», а также, видимо, «предприимчивый человек», «находник»¹⁵⁴. *Trevor* — одно из наиболее распространенных имен в старой кельтской области Британии — Корнуэлле. Встречается оно также в Уэльсе и Бретани¹⁵⁵. В современных этимологиях его объясняют из сложения кельтских *tref* — «дом», «усадьба» и *vor* — «большой», «великий»¹⁵⁶. Объяснение последнего компонента весьма вероятно (*vor* — это лишь вариант *mor*). Но для первого составного можно поискать какое-то иное исторически более оправданное объяснение. Напрашивается, в частности, сопоставление с другим «варяжским» именем — Труаном договора Игоря. Имеется ряд созвучий этому имени, прямо сближающихся с Трувором: *trean*, *treun*, *treoir*, *treunthor*¹⁵⁷. Значение этих слов — «крепкий», «храбрый», «сильный» и т. д. вполне подходит для «дружинных» имен. Возможно также произведение имени от *tri* — «три». Число «три» у ряда народов, и в особенности у кельтов, имело магическое значение¹⁵⁸. В известном смысле значение слов «третий»

¹⁴⁸ Ср. Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч., стр. 228—229.

¹⁴⁹ Там же, стр. 44.

¹⁵⁰ В современном ирландском *foss* — означает «слуга», а *fossad* — «твердый», «крепкий». Все эти понятия, видимо, являются вариантами общего исходного, означающего положительное качество дружинника, служилого человека. Ср. *fast*, *uas ect*.

¹⁵¹ В. Томсен. Указ. соч., стр. 66.

¹⁵² В этом объяснении делается допущение, что слово *varing* могло обозначать в скандинавских языках «дружину». В некоторых диалектах скандинавских языков есть такое слово со значением «предупреждение», «предостережение» (ср. Норвежско-русский словарь. М. 1963, стр. 980). Этноним же «веринг», как отмечалось, имеет негерманское происхождение.

¹⁵³ Ср. A. Holder. Op. cit. T. II, S. 1939: *Treverius* etc.

¹⁵⁴ Словарь старофранцузского языка, 261—262; С. Шелухин. Указ. соч., стр. 30.

¹⁵⁵ E. Weekley. Op. cit., p. 281; J. Loth. *Les noms des saints Bretons*. P. 1910, p. 121 (*Tremeur-Treveur*).

¹⁵⁶ Ср. Словарь английских личных имен, стр. 339.

¹⁵⁷ A. M. William Shaw. *Galic and english Distionery*. L. 1780.

¹⁵⁸ Ср. J. Vendryes. *La religion des Celtes*. P. 1948, pp. 250, 262, а также: Я. Филипп. Указ. соч., стр. 173—174. «Число «три», — замечает чешский ученый, —

и «крепкий» могло и совпадать. В связь с этим корнем может быть поставлено и широко распространенное у кельтов и славян имя Троян¹⁵⁹.

Практически не вызывает сомнений значение имени еще одного персонажа варяжской легенды — Дира. Слово *dir* во всех кельтских языках означает «знатный», «сильный», «верный», «крепкий» и т. д.¹⁶⁰. Никакой германской контраверсы объяснению из кельтского и не выдвигается: из германских языков это слово так же непонятно, как и из славянских. Но, как это часто бывает, интерпретация имени в литературе не увязывалась с интерпретацией кельтского корня.

Сложнее обстоит дело с именем Аскольд. Прямой аналогии ему в европейской ономастике не указывают¹⁶¹. Очевидно, имя состоит из двух компонентов: «аск» и «олд» и по образованию аналогично ряду других «варяжских» имен: Руалд, Роалд. Не исключено, что в эту же связь должно поставить и имена Ингивлад, Рогволод, Всеволод, Владимир и т. д., которые обычно (и как отмечалось, без достаточных оснований) объясняют из сложения какого-либо корня с германским (а на самом деле заимствованным) *zu waltan* — «править», «господствовать»¹⁶². Но здесь возможно и смешение двух разных корней кельтского происхождения. Легендарная Изольда древних кельтских сказаний обычно объясняется как «прекрасная», «красивая»¹⁶³. В старофранцузском языке имя писалось как *Iseult* (*Isold*). В современных кельтских языках оно варьируется: *Issolt*, *Isard*, *Izard* etc¹⁶⁴. Чередование «олд»-«ард» в данном случае интересно потому, что слово *ard* в современном ирландском и некоторых древних кельтских языках означает «высокий», «великий»¹⁶⁵. Примерно в том же значении употреблялось также слово *ollo*¹⁶⁶, которое свободно могло трансформироваться в *oldo*. Не исключено поэтому, что компоненты «алд» или «олд» в «варяжских» именах равнозначны древнему «мар» или же сходны с ним, обладая каким-то специфическим оттенком.

Имя Игорь не имеет ясной этимологии и четких параллелей. Обычно его сравнивают со скандинавским *Ingvarr*. Но, оставляя в стороне вопрос о происхождении этого скандинавского имени, можно заметить, что имя Игорь в западных источниках пишется не как «Ингвар» (в летописях это имя существует наряду с именем Игорь), а как *Inger*. Значение этого имени остается неясным. Однако можно указать такому написа-

кельты считали символом силы и совершенства». Не исключено поэтому, что числительное «третий» непосредственно ассоциировалось с понятием «сильный», «могущественный» и т. д. Имена у многих народов нередко просто соответствовали порядку рождения (так было и у славян и у кельтов).

¹⁵⁹ Ср. А. Г. Кузьмин. Важный вклад в изучение древнерусской историографии. «Вопросы истории», 1974, № 4, стр. 131. См. также: M.-T. Morlet. Op. cit., p. 74 (*Throannus*, *Troannus*, *Truanus*, *Troant* — IX—X s.); J. Loth. Op. cit., p. 121 (*Trehan*); A. Holder. Op. cit. T. II, p. 1921 (*Triagnus*, *Trian*); M. E. Dobbs. Op. cit. B. XIII, p. 346 (*Trian*); L. Fleuriot. Dictionnaire des gloses en vieux breton. P. 1964, p. 321 (*troian*, *trian*), etc. О производных от *tri* см. D'Abrois de Jubainville. Op. cit., p. 220. Легендарный Троян «Слова о полку Игореве» даже как будто мыслится в качестве родоначальника династии русских князей (ср. А. Г. Кузьмин. «Слово о полку Игореве» о начале Русской земли. «Вопросы истории», 1969, № 5). В отдельных случаях имя Троян осмысливалось как указание на этническую принадлежность: «Троянец» (ср. M.-T. Morlet. Op. cit. T. II. 1972, p. 112).

¹⁶⁰ F. I. Mone. Op. cit., S. 78; D'Abrois de Jubainville. Op. cit., pp. 195—196; H. Wagner. Op. cit., S. 36.

¹⁶¹ Ближайшая параллель — датское имя *Eskild*, которое, однако, из германских языков не объясняется, а звук «d» в этом имени не является органической частью (ср. W. Schlaug. Studien, S. 91). Старой кельтике известны имена *Ascula*, *Ascla* (A. Holder. Op. cit. T. I, S. 246). На кельтской почве, как отмечалось, в имени могло появляться или исчезать «d».

¹⁶² Ср. A. Bach. Op. cit., S. 224, etc.

¹⁶³ Словарь английских личных имен, стр. 198.

¹⁶⁴ E. Weekley. Op. cit., p. 283. См. аналогичное чередование в прим. 169.

¹⁶⁵ Ср. Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч., стр. 32.

¹⁶⁶ K. H. Schmidt. Op. cit., S. 250.

нию имени ряд параллелей. Имя «Ингер» было известно в Византии, причем такого времени, когда ни норманнов, ни руссов в ней еще не было: дочерью Ингера была мать императора Льва VI, родившегося около 866 года. Дед его, следовательно, мог получить свое имя не позднее начала IX века¹⁶⁷. Происхождение Ингера византийского остается неясным, а потому невозможно связать его с какой-либо этнической группой или этнической традицией в составе Византийской империи. Зато для определения истоков этого имени в другой, удаленной от Византии области, имеются известные основания.

Имена Iger (Igner), Inger, Ingar упоминаются в числе бретонских святых¹⁶⁸. На территории Галлии VIII — X вв. зафиксированы также имена Ingeraldus, Ingerardus, Ingermegilmarus¹⁶⁹. Корень iger имеется также в кельтских названиях местностей (Iger-acus)¹⁷⁰. Старокельтской лексике известно большое количество слов с корнем ing: ingair (ingir), ingor, ingar, etc.¹⁷¹. Значение этих слов остается неясным, и нельзя думать, что они вообще восходят к одному корню. Заслуживает внимания сопоставление корня ing с названием группы племен ингевонов¹⁷². Корень, возможно, уходит и в более глубокую (докельтскую) древность. Заманчиво, в частности, сопоставление с ine-ina в значении «крепкий», «знатный», «высший» из санскрита, в который слово попало, возможно, из уральских языков¹⁷³. Интересно отметить, что самоназвание западнофинского народа ижоры — «ингры». В индоевропейских языках выходец из этого племени должен был получить имя, подобное «Ингеру». В эту связь может быть поставлено и кельтское ingen, inga — девушка, дочь. В некоторых этимологиях рассматриваемый корень связывается с божеством Инг, известным в Скандинавии¹⁷⁴. Для ряда имен такая этимология вполне вероятна. Но само это божество, как прямо указывают скандинавские источники, было заимствованным¹⁷⁵.

Здесь не место рассматривать каждое «варяжское» или древнерусское имя. Достаточно заметить, что возможности отыскания кельтских параллелей далеко не исчерпываются приведенными примерами. Так, имя посла Игоря — Ивор, широко распространенное в Прибалтике, восходит к кельтским языкам, где оно означает «господин»¹⁷⁶. Кельтским является имя из договора Игоря — Моны¹⁷⁷. Значение его — «благородный» или «изящный». Веремуду из договора Олега находится параллель в галльском топониме Veremundiacus, где проявляется традиционное кельтское сложение личного имени (в дательном падеже) и суффикса «ас»¹⁷⁸. Имена с окончанием на «уд» или «ид» (Стемид, например) могут являться и результатом сложения какого-то слова с кельтским udd — «господин»¹⁷⁹. Точно так же имена на «бид» (Турбид, например) имеют вторым компонентом кельтское bith, byd — «мир»¹⁸⁰. Имени из договора Акун и широко распространенному в Новгородской земле имени

¹⁶⁷ Ср. «Две византийские хроники X века». М. 1959, стр. 86, 94 и др.

¹⁶⁸ J. Loth. Op. cit., pp. 64—65.

¹⁶⁹ M.-T. Morlet. Op. cit., p. 146. (Здесь то же чередование ald — ard).

¹⁷⁰ A. Holder. Op. cit. T. II, S. 29.

¹⁷¹ «Hessens Irisches Lexikon». B. 2. Halle. 1936, S. 34—36.

¹⁷² W. Schlaug. Studien., S. 116; M.-T. Morlet. Op. cit., p. 145.

¹⁷³ H. Wagner. Op. cit., p. 35.

¹⁷⁴ Ср. Словарь английских личных имен, стр. 192, 194, и др.

¹⁷⁵ S. Feist. Op. cit., S. 37. С именем «Ингер» в источниках иногда смешивается имя «Унгер». Но последнее имя, распространенное у саксов и западных славян, означает этническую принадлежность (просто «венгр», выходец из Венгрии, а может быть еще из старой Гуннии или поморской «Унгарии»).

¹⁷⁶ Словарь английских личных имен, стр. 198. Сходное с ним имя «Ибар» связано с культом дерева тиса (ср. Я. Филипп. Указ. соч., стр. 164).

¹⁷⁷ Словарь английских личных имен, стр. 262.

¹⁷⁸ A. Holder. Op. cit. T. III, S. 211.

¹⁷⁹ Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч., стр. 39.

¹⁸⁰ Там же, стр. 28, и др.

Якун соответствует также нередкое кельтское имя *Asopius*¹⁸¹. В кельтском именослове есть параллели для имен Стир, Куци, Боричь¹⁸². Имя Аминод (или Аминд) находит соответствие в имени Аминта, неоднократно повторяющемся в династии галатских вождей¹⁸³. В кельтском именослове отыскиваются параллели для распространенных древнерусских имен Тудор и Лют¹⁸⁴.

Вопреки широко распространенному мнению, «варяжский» именослов не указывает на наличие сколько-нибудь заметной германской прослойки в социальной верхушке древнерусского государства. Некоторые имена, известные по договорам Руси с греками (Веремуд, Кары, Кол, Бруни), были распространены и в Скандинавии. Но это как раз те имена, которые «на скандинавском языке не имеют... никакого знаменования», а у кельтов встречаются гораздо ранее¹⁸⁵. Эти имена указывают лишь на необходимость более основательного изучения характера скандинаво-кельтских контактов¹⁸⁶. Вполне возможно и вероятно, что германо-язычный элемент составлял большой удельный вес, чем об этом можно судить на основе «варяжского» именослова. Но самостоятельного значения он не имел, а имя Свень (то есть «швед») свидетельствует о том, что, видимо, выходцы из германских племен воспринимались в варяжской среде как этнически чужеродный элемент. Более заметной прослойкой, вероятно, был представлен в «варяжском» именослове балто-финский элемент. В литературе указывалось, в частности, на чудское (эстонское) происхождение имен Каницар, Искусев, Апубьксарь¹⁸⁷. Выходца из соответствующего литовского племени предполагает имя Ятвяг¹⁸⁸. Если же учесть, что по всему южному берегу Балтики широко представлены кельтские имена¹⁸⁹, количество выходцев из Литвы может быть увеличено.

¹⁸¹ A. Holder. Op. cit. T. I, S. 31—33. Ср. «Записки Юлия Цезаря...», стр. 103 (Аккон — Аско). О кельтском происхождении имени см. также: H. Kuhn. *Lexicon altillirischer Personen namen*. Heidelberg. 1929, S. 2.

¹⁸² A. Holder. Op. cit. T. II, S. 1638 (Stirrus); I, S. 31632, 1183 (Cucius); III, S. 912 (Boritus, Borissus). Имена с компонентом *bo-*, возможно, восходят к иллирийскому языку. Ср. J. Pokorny. Op. cit., S. 4. В албанском языке *bur* — человек, мужчина.

¹⁸³ А. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.-Л. 1949, стр. 111.

¹⁸⁴ E. Weekley. Op. cit., p. 286 (Tudor); A. Holder. Op. cit. T. II, S. 352—354 (Lutos). Ср. также: T. Lehr-Splawinski. *Kilka uwag o stosunkach jezykowych celticko-praslawianskich*. «Rocznik slawistyczny». R. XVIII. 1956, str. 6 (ljutъ — «gniewny»).

¹⁸⁵ A. Holder. Op. cit. T. I, S. 623; III, S. 1103, 1106, 1255—1256.

¹⁸⁶ Вторжение в Скандинавию негерманского, точнее, неконтинентального, слоя имен падает на эпоху викингов, причем возникает расхождение в антропонимии Германии и Скандинавии (ср. Э. А. Макаев. Язык древнейших рунических надписей. М. 1965, стр. 69—73). В разработке же вопроса о месте кельтских имен в скандинавской антропонимии сделаны лишь первые шаги (см. W. A. Craigie. *Gaelic Words and Names in the Icelandic Saga*. «Zeitschrift für celtische Philologie», B. 1. Halle. 1896; idem. *The Gaels in Iceland*. «Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland», 31).

¹⁸⁷ Я. Зутис. Русско-эстонские отношения в IX—XIV вв. «Историк-марксист», 1940, № 3, стр. 40.

¹⁸⁸ Ср. В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 34. Рецензенты Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин, И. Я. Фроянов неправомерно оспаривали это толкование («Вопросы истории», 1969, № 12, стр. 158), ссылаясь на издание «Повести временных лет» 1950 года. Но такое чтение дают Радзивилловский и Академический списки, что не было учтено в названном издании.

¹⁸⁹ В кельтском именослове можно найти параллели именам поморских славян Мике (верховный жрец Вагрии), Оддар (священник в Любеке), Бутуй, Биллуг Гнеус (ободритские князья) и т. д. (ср. A. Holder. Op. cit. T. I, S. 420—422, 646, 2000; II, S. 581, 833). В кельтском именослове находят параллели и многие литовские имена, не объясняемые из самих литовских языков. Так, литовскому «Витень» соответствует кельтское *Vitinus*, самбийскому «Матто» кельтские *Mattius*, *Matto(n)*, литовскому «Гедемин» — кельтское *Gedemon* (ibid. I, S. 1992—1993; II, S. 477—478; III, S. 411). Сами названия «Литва» и «Латвия» имеют четкие параллели в вариантах кимрского (уэльского) названия Бретани: *Litau*, *Latio* (Г. Льюис и Х. Педерсен. Указ. соч.,

Упорные, более чем двухсотлетние поиски германизмов в русском языке и древнерусской культуре не дали осязаемых результатов. Более того, языческий пантеон, созданный Владимиром незадолго до крещения и отличавшийся широкой представительностью, не учитывал германского элемента. В то же время во многих сферах древнерусской жизни проявляются традиции, аналогии которым находятся в разных районах кельтского мира. А. А. Шахматов указал на ряд сохраненных славянскими языками кельтских (или общих для славян и кельтов) терминов, которые связаны с формированием классового общества и государственности: бояре, влат, слуга, тать, отец; с военным делом: щит, вал¹⁹⁰. К этому можно добавить, что древнерусское «скот» — имущество, богатство, деньги — происходит, по-видимому, от кельтского *scotti*, *scot*¹⁹¹. Древнерусскому обозначению мехов и денежных единиц «куна» может служить параллелью кельтская серебряная монета *coinpos* (галльская монета в Панонии) и кельтское *gynpa* — «шкура»¹⁹².

Интересные параллели отыскиваются как будто уникальному новгородскому институту: «300 золотых поясов» в качестве главного органа республики¹⁹³. Кельтская Галатия в Малой Азии управлялась советом из трехсот членов, собиравшихся в дубовой роще¹⁹⁴. Территориально ближе другая параллель: на острове Рюген верховная власть принадлежала жрецу, в распоряжении которого было триста всадников — с их помощью жрец осуществлял фактическое управление¹⁹⁵. Во всех случаях цифра 300, видимо, появляется независимо друг от друга, но в зависимости от общей традиции, согласно которой троичность обеспечивает наивысший успех в любом деле.

Следов кельтских религиозных представлений в Древней Руси, возможно, еще больше, чем элементов государственной традиции (на юге, по всей вероятности, большее значение имели традиции, уходящие в черняховскую и даже скифскую древность). С кельтским влиянием, видимо, связано наличие многоликих божеств у балтийских славян. Кельтские черты проявляются в поклонении русов дубу на острове Хортица, описанном Константином Багрянородным¹⁹⁶. Не исключено, что боги Перун и Велес, которыми клялись дружинники Олега и Игоря, были общими для славян и славянизированных кельтов. Во всяком случае, поклонение Перуну было широко распространено именно в Прибалтике (Поморье, Литва), причем везде культ его был связан с дубом¹⁹⁷.

Примечательно, что Византия постоянно поддерживала какие-то

стр. 37). Значение этого названия — «земля». Здесь либо отражение прямой связи «венетов» севера Галлии и «венедов» Прибалтики, либо однотипное происхождение имени в этнически однородной среде; для жителей Британских островов Бретань была «землей», «материком». В таком же положении находилось по отношению к балтийским островам (например, в отношении того же Рюгена) побережье Литвы и Латвии.

¹⁹⁰ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 40, 45—47 (*boaige* — привилегированное население Ирландии. Не исключена в этимологическом плане и связь с этнонимом «бой», тем более, что кельтское племя боев в течение длительного времени доминировало в Центральной Европе). Кельтское *slougos* означает «войско». «Слуга» в Древней Руси — это воин, дружинник.

¹⁹¹ A. Holder. Op. cit. T. II, S. 1406, etc.

¹⁹² Ibid. T. I, S. 2044. У фризов было сходное обозначение монет: *soņa* (ср. В. М. Потин. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л. 1968, стр. 168).

¹⁹³ Ср. В. Л. Янин. Проблемы социальной организации Новгородской республики. «История СССР», 1970, № 1, стр. 49.

¹⁹⁴ А. Ранович. Указ. соч., стр. 105.

¹⁹⁵ А. С. Фаминцин. Указ. соч. стр. 23—24 (из описания Саксоном Граммати-ком взятия Арконы).

¹⁹⁶ Ср. Я. Филипп. Указ. соч., стр. 96, 162—165, 173—174; Гельмольд. Указ. соч., стр. 185—186; «Известия византийских писателей о Северном Причерноморье». Л. 1934, стр. 9—10 (у кельтов обычно дуб или просто столб обносился оградой. Здесь русы создавали вокруг дуба круг из стрел, как бы имитируя ограду).

¹⁹⁷ Ср. А. С. Фаминцин. Указ. соч., стр. 20, 102, 105.

связи с кельтским миром. Замечание византийских авторов о том, что «варанги» служат императорам «издревле», возможно, имеет в виду традиционное присутствие кельтоязычных наемников в империи (может быть, даже с первых веков н. э.). С другой стороны, в Ирландии, например, сохранялось внимание к греческой христианской литературе и знание греческого литературного языка даже в такие периоды, когда страна была отрезана от христианского мира варварскими нашествиями (V — VI вв.)¹⁹⁸. Немецкие авторы (в частности, Адам Бременский и Гельмольд) единодушно отмечают, что на языческом Балтийском Поморье при резко враждебном отношении к католицизму вполне терпимо относились к приверженцам «греческой» веры.

Вряд ли случайно варяго-русская дружина в Византии превращается в конце XI в. в варяго-английскую. Утверждение христианства на Руси и усиление антихристианских тенденций у последователей язычества на «варяжском» Поморье, а также, видимо, некоторые другие обстоятельства привели во второй половине XI в. к резкому ослаблению русско-поморских контактов и практическому закрытию пути «из варяг в греки». Зато после норманского завоевания в Византию устремляются тысячи изгнанников из другой части кельтского в своей основе мира: из Британии. Никита Хониат (XII в.) упоминает «секироносных бриттов, которых теперь называют англичанами»¹⁹⁹. Бритты — кельтское племя, англ — германское. Название «Англия» постепенно поглощало не только прежнее название острова, но и его население. И Никита Хониат сам поясняет, что «секироносные» были «кельтским народом»²⁰⁰. Прибытие в Византию групп кельтоязычных бриттов, несомненно, оживило собственно кельтские традиции «варангов». Само изолированное от окружающей среды положение «варангов» способствовало длительному сохранению и их «домашнего» языка.

На Руси положение варягов было иным. Сюда шли не только наемники-воины, но и та часть населения, которая средства к жизни добывала производительным трудом. В житии Ольги (список XVI в.) отмечается, что будущая княгиня родилась под Псковом «в веси зовомыя Выбуто, отца имеаше неверна сущи, тако и мать некрещену от языка варяжска, ни от вельмож, но от простых бяше человек»²⁰¹. Общая судьба варягов-кельтов и поморских славян способствовала быстрому взаимопроникновению культур еще на южном побережье Балтики. Теснимые с материка германцами, они уходят на восток уже как относительно цельная этническая группа, в которой преобладают кельтские имена, а средством общения является славянский язык. Именно поэтому носители «варяжских» имен, первые заморские князья, обосновавшиеся на северо-западе Руси, строят чисто славянские города Новгород, Изборск, Белоозеро, а на огромной территории от Новгорода до Муромы, куда простирается «варяжская» государственность, быстро распространяется славянский, «русский» язык. Несколько иным, видимо, было положение на юге Руси. Сюда в меньшей степени докатывалась волна естественного прилива населения с южного берега Балтики. Здесь далее зашел процесс классового расслоения, а при оформлении государственности сохранялись традиции черняховского и скифо-сарматского времени. Но не исключено, что пришельцы с севера и здесь нашли не только славянский язык как общепризнанное средство общения разных этнических групп, издревле населявших Приднепровье и Причерноморье, но и реликты кельтских же по своему конечному происхождению традиций.

¹⁹⁸ А. В. Исаченко. К вопросу об ирландской миссии у паннонских и моравских славян. «Вопросы славянского языкознания». Вып. 7. М. 1963, стр. 49.

¹⁹⁹ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 368.

²⁰⁰ Там же, стр. 372.

²⁰¹ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М. 1915, стр. 8—9.

В конце I — начале II тысячелетия по всей Европе проходит процесс становления новых народностей на базе старых этнических общностей. Своего рода «массовой» базой для большинства этих народностей являются остатки некогда почти безграничной кельтской цивилизации. Не последнее место кельтский субстрат занимает и в процессе сложения славянских народов. В литературе указывалось на значение кельтского элемента в формировании этнических общностей Центральной Европы²⁰². Очевидно, необходимо включить в поле зрения и южнобалтийское побережье, где издревле складывалась специфическая кельтская культура. Варяги на Руси — последний этап слияния этой культуры со славянской. Отдельные норманские викинги, служившие в дружинах киевских князей, стремились вернуться на родину в блеске славы и золота. Варягам возвращаться было некуда. Они верно служили византийским императорам в качестве наемников и скоро усваивали местные обычаи в тех землях, где вынуждены были искать пристанище. Этим и может объясняться факт быстрой ассимиляции варягов в новых районах, неизменно вызывающий недоумение специалистов как норманистского, так и антинорманистского лагеря.

Возникновение новых этнических общностей обычно является результатом синтеза местных традиций и внешних привнесений. В Восточной Европе автохтонность не обязательно была связана со славянами, а пришельцы из-за моря не обязательно были не славянами. Оставляя в стороне вопрос о хронологическом определении этапов славянизации разных районов Восточной Европы, а также об условиях и времени возникновения славяно-кельтских контактов, можно отметить, что к IX—X вв. — времени завершения формирования древнерусской государственности — славянское начало становится определяющим как на юге Балтики, так и в Восточной Европе. Процесс оформления древнерусской цивилизации был весьма интенсивным, и его ускорению способствовала возможность соединения опыта многих народов, издревле проживавших на территории нового государства. Определенный вклад в эту цивилизацию, по-видимому, внесли и кельты, в том числе их последняя славянизированная волна — варяги.

---

²⁰² Ср. Я. Филип. Указ. соч. и другие работы этого автора, а также: Z. Woźniak. *Celtowie w Polsce*. Kraków. 1968, и др. Исключительное значение имеет недавнее открытие румынскими археологами на севере Трансильвании кельтского могильника IV в. до н. э. (см. информацию об этом: «Важное археологическое открытие: кельтский некрополь в Фынтенеле-Нэсэуд». «Румыния», Бухарест, 1974, № 4, стр. 16—17). Между прочим, кельтам, вытесненным в первых веках н. э. из Центральной Европы германцами, практически можно было идти лишь на восток (юго-восток и северо-восток). Так оно, видимо, и было, хотя, судя по антропологическим данным, значительная часть прежнего населения оставалась на месте в рамках нового образования.